Annotation

Повествование о борьбе короля Конана с возникшей на юге Аквилонии и набравшей силу сектой фатаренов, представляющей угрозу для стабильности и благополучия государства, и поддерживающим её магическим конклавом «Чёрное Солнце».

Третья книга серии Тени Ахерона

- Керк Монро
  - ПРЕДВАРЕНИЕ
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Эпилог

Керк Монро
Олаф Локнит
Нисхождение Тьмы
(Тени Ахерона 3)

ПРЕДВАРЕНИЕ

«…В начале 1296 года по основанию королевства Аквилонского ничто не указывало на грядущий мятеж. Государство наше процветало, ибо вот уже восемь лет земли Львиного Престола не видели войн или неурожаев, благодаря рачительному управлению и низким налогам богатели города и процветала торговля, отношения с соседними державами были мирными и доброжелательными. Казалось, что Закат если не стоит на пороге нового Золотого Века, то по крайней мере умиротворен на долгие десятилетия…

Конан скучал – энергичной натуре нашего короля претила столь бездеятельная жизнь, главными событиями которой теперь стали нудные государственные церемонии, охоты в Руазельском лесу или военные маневры. Однажды Конан по секрету признался мне, что если все так и будет продолжаться, то он затеет какую-нибудь жуткую авантюру – например, решится на захват Пущи Пиктов или на вторжение в Кхитай посредством создания невиданного прежде боевого флота. Я так и не понял, чем киммерийцу насолили обитатели Поднебесной и посоветовал Конану «развеяться» более дешевым способом. Тем не менее план новой войны с пиктами вполне серьезно обсуждался в военной управе.

В конце король решился на большую поездку по стране – он хотел посетить все столицы Великих Герцогств, а так же маркграфство Ройл, коим владел наш старый знакомец, таинственный Малвер Ройл, любитель древностей и забытых тайн.

Именно тогда в докладах тайной службы начало мелькать незнакомое слово – «фатарены». Если верить Латеране и возглавлявшему аквилонское секретное ведомство барону Гленнору, на Полудне появилось новое вероучение, ставшее неожиданно популярным, как среди простецов, так и среди дворянства. К сожалению, Конан не обратил на эти сообщения надлежащего внимания, иначе нам наверняка удалось бы задушить змею как только она вылупилась из яйца… Но Аквилония спокон веку славилась своей веротерпимостью – можно было класть требы богам почти всех известных на Закате культов, кроме тех, что были запрещены за человеческие жертвоприношения или поклонение Тьме.

Масштабы свалившейся на нас беды стали ясны только ближе к середине осени. Последователи учения пророка Мэниха, жившего в Иранистане многие столетия назад, изгоняли митрианских жрецов, разрушали монастыри и храмы, еретическое учение охватило не только Коринфию, но и полуденные области Немедии и Аквилонии. Более того, королю стало известно, что предводители сектантов пользуются услугами нового магического конклава, получившего название «Черного Солнца» – его колдуны использовали запретную даже в Стигии магию кхарийцев, сила которой исходила из Черной Бездны, обители Первородного Зла.

Разумеется, следовало принять все меры по противодействию еретикам. Конан незамедлительно призвал на помощь Алых магов Равновесия, среди которых был и наш старый знакомец, Тотлант Луксурский, заключил союз против Фатаренов с королем Нимедом II и королевой Чабелой Зингарской, на нашу сторону встала даже знаменитейшая гильдия Ночных Стражей, охотников на монстров, каковые раньше предпочитали не ввязываться в дела политические или военные, предпочитая держать строжайший нейтралитет во всех возникавших на Закате конфликтах.

Было очевидно, что набравшие силу фатарены однажды выступят открыто, но Конан

вместе с бароном Гленнором полагали, что это произойдет не раньше весны 1297 года. Однако, пламя заполыхало значительно раньше – поддерживавший секту граф Толозы Раймон поднял мятеж в своей провинции на Полудне Пуантена, атаковав гарнизон королевской гвардии, расположившийся в городе. Аквилонцы во главе с родственником герцога Просперо успели запереться в городской цитадели и смогли отправить гонца в Тарантию с просьбой о немедленной помощи.

Конан откликнулся на призыв – гвардию Черных Драконов переправили по реке Хорот в Пуантен, войско возглавили сам король и Паллантид. Толоза была взята на второй день осады, но война отнюдь не закончилась.

Я не сопровождал киммерийца в этом походе – по прямому приказу Конана я, волшебник Валент, охотник из гильдии Ночной Стражи Гвайнард и ближайший помощник главы нашей тайной службы граф Эган Кертис отправились в Коринфию, в самое логовище фатаренов с целью как можно больше разузнать о предводителях сектантов и загадочном ордене Черного Солнца…»

Из «Летописи Аквилонской», составленной Хальком, бароном Юсдалем, в лето 1299 по основанию Трона Льва.

Глава 1
ПЕРВЫЙ РАССКАЗ ХАЛЬКА
«Королей прибавляется»

5 день третьей осенней луны 1296 г.
Арелата, Коринфия.

Утро выдалось на редкость безрадостным. Давненько я не просыпался с таким дурным настроением. Мало того, что всю ночь меня терзали кошмары (которые, к счастью, не запомнились) так еще и пробудился я с четким осознанием того, что наша миссия в Коринфии если не провалена, то по крайней мере мы стоим на самом краю пропасти.

— Джигг… — слабо простонал я и тут же услышал тихий и до отвращения спокойный голос камердинера:

— Позвольте пожелать вам доброго утра, господин барон. Ваш завтрак и горячий настой на травах с медом и молоком…

Пришлось сесть в постели и принять поднос с пухлыми булочками, плошкой растопленного масла и яблоками.

— Как погода, Джигг? — уныло осведомился я. Камердинер тем временем распахнул ставни.

— Позволю себе заметить, что погода замечательная, господин барон. Солнце, легкий ветер с гор, перистые облачка на Полудне.

— Никаких новостей их управы городской стражи?

— С сожалением должен отметить, что никаких, господин барон. Если вам будет угодно, я съезжу в управу и узнаю, что происходит и когда ваших достойнейших друзей отпустят.

— Опустят? — вздохнул я. — Что-то не верится. Если за сегодня в деле не произойдет никаких сдвигов, придется просить Рэльгонна вытащить Кертиса, Валента и месьора Гвайнарда из кутузки обычным вампирским способом… Он ведь может проникнуть куда угодно, правильно?

— Совершенно справедливое мнение, господин барон. Насколько мне известно, для каттаканов не составит труда преодолеть любые препятствия. Вам что-нибудь еще нужно, господин барон?

— Нет, спасибо. Действительно, сходите-ка в управу, Джигг, разнюхайте, что там происходит.

— Как вам будет угодно, господин барон.

Дверь за камердинером неслышно затворилась, а я отставил поднос — не лез в меня завтрак — и уставился в окно, за которым зеленели кипарисы и сияло ласковое осеннее солнце.

Ситуация — хуже не придумаешь, а виноваты свалившихся на нас неприятностях неугомонный Эган Кертис и Гвайнард из Гандерланда, учинившие позапрошлой ночью самый настоящий разбойничий набег на замок некоего барона Астера, расположенный неподалеку от коринфийской столицы. Но этого мало — после того как мои полусумасшедшие приятели вкупе с каттаканами и ватагой здешней Ночной Стражи (более известной под наименованием «охотников на чудовищ») устроили в поместье форменный

погром, сопровождавший нас в путешествии маг ордена Алого Пламени Равновесия Валент из Мессантии с помощью какого-то жуткого заклинания кхарийцев превратил замок Астер в груду обугленной щебенки, после чего в округе начался такой переполох, что у меня не хватает слов для его описания…

Итак, давайте отринем ненужные эмоции и вспомним, что же произошло на самом деле.

Появление нашей теплой компании в Арелате было связано с прямым указанием короля Конана Канах и бессменного начальника тайной службы Аквилонии — всемогущего барона Гленнора. Я, граф Кертис, Гвайнард и маг Валент должны были выяснить, насколько серьезна угроза исходящая от новой религиозной секты фатаренов, чии предводители скорее всего окопались именно в Коринфии.

Известно, что фатарены завладели умами множества людей на Закате — как дворян, так и простецов. Их успеху способствовала невероятная жадность и распущенность многих митрианских жрецов, скомпрометировавших не только себя, но и само митрианство, как одно ведущих и самых древних религиозных течений, возникнувшее еще во времена Эпимитриуса и Первых Королей.

Духовная зараза фатаренов распространялась с быстротой лесного пожара — опасной ересью оказались почти все полуденные графства Немедии и Аквилонии, часть Пуантена и, конечно, Коринфия. Конан попытался предпринять срочные меры — знаменитый митрианский монах Доменик из Кордавы был назначен главой «Воинства Митры», сиречь, нового духовного ордена, призванного истребить ересь и заняться проповедью Истинного Света, половина казны митрианских храмов Аквилонии была передана в руки Доменика и его собратьев; учение пророка Мэниха положенное в основу бредовых идей фатаренов и культ секты были запрещены на всех землях Аквилонии.

Ради борьбы с сектой пришлось объединить усилия самых могучих держав Заката — Немедии, Аквилонии и Зингары, в войну с еретиками вступили тайные службы и даже армия: вчера пришло известие, что принявшие учение фатаренов дворяне Полудня Аквилонии подняли открытый мятеж против Трона Льва и король Конан Киммериец с отрядами гвардии отправился в Пуантен на усмирение бунта. Мятеж со дня на день мог подняться в Коринфии и на некоторых землях Немедии, прилегавших к аквилонским рубежам…

Словом, ситуация была накалена до предела — ничуть не лучше, чем во времена войны Алого Камня.

Проблемы с политикой и религией, начавшиеся после появления фатаренов — это еще полбеды. Нам стало достоверно известно, что сектанты организовали еще и собственный магический конклав претенциозно названный «Черным Солнцем». Поскольку доктрина фатаренов дозволяла использование любых средств для достижения своих целей, маги нового конклава решили, что нет магии более действенной и могучей, чем кхарийская. А посему во всех библиотеках к Закату от Вилайета начались изыскания — требовалось найти древние рукописи Ахерона.

Одну такую рукопись, а именно «Книгу Душ» обнаружил маркграф Малвер Ройл — к счастью его светлость никак не относился к сектантам, вовсе даже наоборот, маркграф являлся ревностным митрианцем и верным подданным короны Аквилонии. Я подозреваю, что он еще как-то связан с нашей тайной службой, но доказательств на руках не имею.

Так вот. «Книга Душ» являлась кхарийским магическим гримуаром, в котором были

записаны самые могучие заклятья магов Ахерона. Разумеется, фатарены немедленно начали на нее охоту, но книгу успели переправить в Бельверус, Хранителям гильдии Ночной Стражи — знаменитое сообщество охотников на монстров тоже присоединилось к войне стран Заката против неожиданной напасти.

И тем не менее, мы пока проигрывали сражение за сражением, достигая успеха лишь в отдельных случаях.

События, вызвавшие необходимость отправить в Арелату Коринфийскую тайное посольство во главе с графом Кертисом начались еще в Тарантии — в одну из ночей меня тайно посетил некий дворянин, представившийся одним из предводителей фатаренов. Впрочем, слово «посетил» не совсем точно — я разговаривал с его тенью, изображением созданным магией. Через вашего покорного слугу королю Конану была предложена сделка: фатарены оставляют в покое Аквилонию и отзывают с земель Трона Льва своих проповедников, а мы в свою очередь должны будем помочь сектантам избавиться от их же собственных магов из «Черного Солнца» — колдуны становились все более независимыми и неуправляемыми и начали угрожать своим бывшим хозяевам.

Конан согласился. Что ни говори, а угроза была вполне реальной — если новый магический конклав наберет силу, мы вряд ли сможем нанести по нему серьезный удар. Впрочем, магическими делами занимаются Валент из Мессантии и Тотлант Стигийский, а посему вам будет лучше выслушать их рассказы, которые я приведу ниже.

Несколько дней назад мы (граф Кертис, Гвайнард, Валент и я вместе со своим камердинером Джиггом) прибыли в самое логовище фатаренов — непризнанную столицу Коринфского протектората Арелату. И с размаху вляпались в весьма неприятные приключения.

Во-первых, мы познакомились с отрядом Ночной Стражи, действовавшем в Коринфии. Рассказ соратников месьора Гвайнарда оказался неутешителен — в округе за последнее время появилось слишком много чудовищ, причем некоторые из них относятся ко временам Кхарийской эпохи и должны были вымереть как минимум тысячу лет назад. Что бы это значило?

А вот что: фатарены отлично понимали, что рано или поздно правители Заката возьмутся за них всерьез и подготовились к обороне. Причем делали это с присущим секте размахом и фантазией — чего стоит одно только разведение метацилпленариев, гигантских нелетающих птиц с Огненных островов, которые могут использоваться в качестве боевых животных! Каждая такая птичка способна с успехом противостоять десятку-другому обычных всадников на лошадях, а теперь представьте, что метацилпленариев сотня или две…

Но экзотическими животными дело решительно не ограничилось — мы выяснили, что в замке Астер создаются существа именуемые «илитидами». Сие порождение Кхарийской магии было гораздо страшнее любого метацилпленария. Один такой монстр способен мгновенно парализовать или убить так называемой «псионической волной» множество людей — Кертис, Гвай и коринфийские охотники испытали воздействие илитида на себе, причем участвовавший в охоте Рэльгонн едва не погиб, что было почти немыслимо: каттаканы исключительно живучи, убить их практически невозможно.

После неудачной охоты на илитида Кертис принял решение атаковать сам замок Астер, где, по нашим предположениям, и разводили чудовищ. Естественно, что нападение следовало тщательно спланировать, дабы не допустить жертв с нашей стороны а затем безнаказанно смыться с места преступления.

Никто не сомневался, что за подозрительными аквилонцами поселившимися в Арелате следят — управа городской стражи начала проявлять к нам пристальный интерес. Кроме того, грозный барон Гленнор категорически запретил нам «ввязываться в истории», приказав просто наблюдать и ждать новых событий, но угроза оказалась слишком серьезной для того, чтобы ее игнорировать. Посему Кертис решил действовать на свой страх и риск, привлек к делу как Ночную Стражу, так и семейство наших приятелей-каттаканов.

Упыри, разыграв жутчайший магический спектакль, обезвредили охрану замка, затем в дело вступил небольшой боевой отряд, составлявшийся из охотников на монстров, мага Валента и самого графа Кертиса. Меня той ночью оставили в Арелате, посчитав, что рафинированный столичный библиотекарь будет лишь путаться под ногами.

Не вдаваясь в подробности сообщу, что в Астере действительно обнаружилась магическая лаборатория в которой выращивали илитидов, а так же и хозяин чудовищ. Точнее — хозяйка. Сестра барона Астера, являвшаяся магичкой из конклава «Черного Солнца».

Было принято решение замок уничтожить, а пленную колдунью переправить в Тарантию — в уютные и глубокие подвалы Латераны, как именовали секретное ведомство его милости месьора Гленнора. Там уж как-нибудь найдут способ заставить магичку заговорить. Один из каттаканов перенес баронессу в Аквилонию «Прыжком через Ничто», а Валент использовал древнее заклятье «Белого Пламени Оридата» — поместье Астер было сметено с лица земли.

Полагаю, вспышку видели аж в самом Бельверусе — заклинание оказалось столь мощным, что земля дрожала даже в Арелате, а облако жидкого огня поднялось на неизмеримую высоту. Нет ничего удивительного в том, что в радиусе тридцати лиг поднялась изрядная паника и были поставлены на ноги все городские стражники и военные.

Тем не менее нашим авантюристам удалось скрытно вернуться в город и сделать вид, будто ничего не произошло, а сами они мирно почивали под гостеприимным кровом постоялого двора «Горный Орел».

Стража вломилась в гостиницу, обыскала конюшни и наши комнаты. Не смотря на полное отсутствие доказательств причастности к событиям в Астере нас всех арестовали.

Меня и Джига почему-то отпустили на рассвете — или дознаватели поняли, что с нас нечего взять (мы оба упорно изображали возмущенных произволом чужеземцев и требовали встречи с аквилонским посланником), или в дело вмешался мой покровитель-фатарен — тот самый, с которым я говорил в Тарантии. В действительности он являлся герцогом Ибеленом — представителем древнего коринфийского рода, имеющего права на корону. Если, конечно, Коринфия избавится от протектората Трона Дракона, к чему и стремилось «политическое» крыло секты, не желавшее иметь ничего общего с колдунами «Черного Солнца» или идеями пророка Мэниха — таковые использовались лишь как инструмент воздействия на умы простецов.

Я и Джигг вернулись на постоялый двор, посчитав, что остальных тоже вскоре выпустят. Но прошло более суток, а граф Кертис, Гвайнард и Валент Мессантийский доселе томились в узилище…

* * *

К моменту возвращения Джига из дознавательной управы я успел одеться и спуститься во двор «Горного орла» украшенный плюющем, кустами роз и фонтанчиком с местной целебной водой, каковую приезжавшие в Арелату болезненные дворяне поглощали ведрами — вроде бы она исцеляла от многочисленных желудочных скорбей. Прочие гости «Орла» поглядывали на меня косо — все знали о том, что сопровождающие барона Лингена (это мое фальшивое имя) месьоры задержаны и отправлены в тюрьму. Не иначе, меня принимают за контрабандиста, торговца лотосом или предводителя разбойничьей шайки.

Не обращая внимания на заинтересованно-опасливые взгляды пожилых дам и пухлых месьоров с дворянскими цепями я вежливо раскланялся, опустился в плетеное из тонкой лозы кресло и постарался сделать вид, что читаю — прихватил с собой из комнат скучнейший философский трактат, пространно повествующий «о пользе добра».

— Господин барон? — вкрадчиво сказал Джигг, появившись, как всегда, неожиданно и неслышно.

— Ну, наконец-то! — простонал я. — Что узнали?

— К моему вящему унынию, ничего, господин барон. Власти продолжают безосновательно упорствовать в обвинении.

В переводе с джигговского языка на обыкновенный это означало, что разудалую троицу борцов с чудовищами и черной магией держат в темнице без всяких доказательств. Конечно — откуда им взяться, этим доказательствам? С помощью каттаканов Кертис и Гвай мастерски замели следы, не подкопаешься при всем желании!

— Вы их видели, Джигг?

— Только месьора Гвайнарда. Он выглядит бодро. Надеюсь, господин барон не сочтет излишним своеволием с моей стороны то, что я позволил себе купить на рынке немного фруктов для неправедно заточенных?

— Джигг, умоляю, выражайтесь проще — мы же не на церемониальном приеме!

— Как будет угодно господину барону.

— Что еще?

— Насколько я понял, сейчас чиновники из управы дознания проверяют наши подорожные и дворянские грамоты, пытаясь отыскать противоречия или ошибки.

— Пускай проверяют, — отмахнулся я. — Все бумаги настоящие, с подлинными печатями. В Латеране сидят отнюдь не глупцы, Джигг.

— Я согласен с этим мнением, господин барон. Однако…

Камердинер выкроил на своем породистом лице скорбновато-почтительное выражение. За минувшее время я успел изучить его повадки и знаю, что подобные паузы и столь кислая мина означают одно: допущена некая ошибка. Джигг очень умен, даже слишком умен для обычного слуги!

— Однако — что? — осторожно переспросил я, невольно понизив голос.

— Господин барон помнит, как мы прибыли в Коринфию?

Еще бы мне не помнить! Чтобы не тратить время на длительное путешествие из Тарантии до Арелаты мы все (вместе с лошадьми и поклажей) были «перенесены через Ничто» каттаканами. Просто вынырнули из пустоты неподалеку от столицы Коринфии и поехали в город.

— Не стану отрицать, господин барон — перемещаться сквозь Ничто очень удобно, — сказал Джигг. — Но тут есть определенная тонкость. Если бы мы ехали из Аквилонии

обычным способом, подорожные оказались бы проверены на немедийской границе и во всех крупных городах, о чем на пергаментах должны стоять надлежащие отметки.

— Предусмотрено, — поморщился я. — Отметки в бумагах есть, они проставлены еще в Тарантии — ребятки из канцелярии Гленнора отлично изготавливают фальшивки подобного рода.

— Это так, господин барон. Я с вами более чем согласен. Но в кордегардиях стражи по пути нашего гипотетического следования тоже должны быть внесены соответствующие записи. А именно: в Шамаре, затем при пересечении рубежей Немедии, затем на Дороге Королей при въезде на земли Коринфского Протектората Трона Дракона и уж в последнюю очередь в Арелате. Если дознаватели отправят гонцов в отмеченные мною пункты, то выяснится, что мы там попросту не были. А это даст косвенное доказательство того, что в Коринфии мы находимся… гм… не совсем законно.

— Ненавижу бюрократов… — выдохнул я, осознав, что непростительная ошибка и впрямь имеет место. — И что делать?

— У меня нет никаких достойных внимания предложений, господин барон.

— Сколько времени у нас осталось?

— Полагаю, не более суток. Поскольку Дорога Королей пролегает неподалеку от Арелаты, ближайшие кордегардии дорожной стражи, собирающей пошлины с путников находятся менее чем в семи колоколах конного хода… Мне очень неприятно об этом говорить, господин барон, но увидев разночтения в подорожных и записях стражи дознаватели получат возможность уличить нас во лжи. Последствия могут оказаться печальными — никто не станет разбираться в истинной подоплеке дела. Здесь, хотя и скрыто, властвуют фатарены, полагающие нас врагами. Однако, пока сохраняется видимость власти скипетра Немедии они не могут творить откровенный и вызывающий произвол…

— Положеньице, — я покачал головой. — Может быть, стоит обратиться за помощью к герцогу Ибелену?

— Его светлость категорически запретил вам искать его, господин барон. За гостиницей следят, каждый ваш шаг станет известен недоброжелателям.

— Верно… А посланник от Ибелена придет только завтра. Хочешь не хочешь, а придется обращаться за помощью к Рэльгонну.

— Это будет более чем разумно, господин барон.

Я уж совсем было собрался отпустить Джига, как вдруг за оградой обширного двора «Горного Орла» загрохотали по уличной мостовой копыта множества лошадей. Это был не просто десяток всадников, направлявшихся на охоту или собравшихся отдохнуть в загородном поместье. К центру города мимо нашего постоялого двора шла конница, вооруженная кавалерия — я был свидетелем нескольких войн, такие звуки не забываются и определяются моментально.

— Джигг?

Я оглянулся, но камердинер куда-то исчез, словно в воздухе растворился.

Отдыхавшие во дворе старикашки насторожились как и я — у многих титулованных дедушек на поясах висели кинжалы, а то и эстоки: военное дело всегда являлось едва ли не самой главной дворянской привилегией, многие из гостей «Горного Орла» наверняка побывали не в одной битве. Да взять хотя бы во-он того сухощавого пожилого месьора, на колете которого сверкают бриллиантами и рубинами крошечные копии немедийских боевых орденов «Скипетр Дракона» и «Скрещенные мечи». А такие награды даруются только за

участие в настоящих больших войнах — «Мечи» означают, что старикан сам водил в бой свой легион, сражался наравне с простыми воинами и выиграл битву…

Конница ушла, но странности продолжались — если верить звукам доносящимся из-за высокой кирпичной ограды сейчас по улице шла самая настоящая тяжелая панцирная пехота. Подобные отряды используются только в войске Немедии или Аквилонии, в плотном строю панцирники могут запросто противостоять даже всесокрушающему клину дворянской кавалерии — их «скёльдборг», стену щитов с выставленными по фронту длинными копьями и расположенными за передовыми рядами лучниками и арбалетчиками практически непобедим.

Какие следуют выводы?

Сделать означенные выводы мне не позволил Джигг, вновь материализовавшийся за моим плечом.

— Очень странно, господин барон. Признаться, я был уверен, что его величество Нимед Второй ввел в Коринфию несколько дополнительных легионов для поддержания порядка, что было бы в свете минувших событий вполне логично. Я вышел на улицу, посмотрел. Все эти доблестные воители не принадлежат к армии Трона Дракона и не выступают под его штандартами…

— Неужели наши, аквилонцы? — задохнулся я, едва не схватившись за сердце. Конан и Нимед недавно договорились об оказании помощи друг другу и безоговорочном союзе против фатаренов, но как полки Львиного Скипетра могли столь быстро преодолеть почти тысячу лиг, разделяющих Арелату и рубежи Аквилонии? — Рассказывайте же, Джигг!

— Насколько я понимаю, господин барон, в Арелате сменилась власть. Воины идут под знаменами герцога Амори Ибелена, графов Ильвинга, Аккона и прочих ленных владений Коринфии. Войско оснащено в точности так же, как и легионы Немедии.

— Что?! — взвыл я, вскакивая с ажурного креслица. — Я хочу сам посмотреть!

— Полагаю, за ворота «Горного орла» будет выходить весьма небезопасно, господин барон. Я бы посоветовал посмотреть на это впечатляющее шествие с балкона.

Я бегом рванул на второй этаж, где располагались наши покои. Джигг, ухитряясь сохранять степенность и достоинство выступал позади не отставая ни на шаг.

Отворив легкую резную дверцу красного дерева я вылетел на балкончик с ажурной металлической оградой и в тот же момент едва не упал в обморок.

На меня, глаза в глаза, смотрела жуткая морда никогда прежде не виданного существа. Существо было огромно — украшенная могучим черным клювом голова возвышалась над плоской крышей постоялого двора. На первый взгляд тварюга напоминала увеличенную в сотни раз неопрятную помесь курицы, грифа и дарфарского страуса, какие содержатся в тарантийском зверинце.

Я далеко не сразу заметил, что на спине гигантской птицы сидит всадник, держащий в руках поводья и вооруженный мечом. Но этого мало — вслед за первым бескрылым чудовищем следовали еще две дюжины таких же монстров. Каждой птичкой управлял самый обычный человек в кольчуге и при оружии.

— Если господин барон позволит мне высказать свое мнение, — Джигг сказал это таким тоном, словно речь шла о банальнейших воробьях, — то я полагаю, что мы сейчас наблюдаем прирученных метацифленариев. Весьма запоминающееся зрелище, вы не находите, господин барон?

* * *

Как и всегда, мое врожденное любопытство оказалось сильнее приобретенной за годы службы у Конана осторожности. Джигг помог мне облачиться в парадный колет, вынул из дорожного сундучка золотую цепь с гербом барона Лингена (когда-нибудь потом я извинюсь перед стариной Омсой за столь бесцеремонное использование его имени) и подал перевязь с клинком. Сейчас я должен был выглядеть представительно, как истинный дворянин — по крайней мере благородного господина, да еще и иностранца, тронуть не посмеют. Точнее, я надеюсь, что не посмеют…

Я порекомендовал было Джигу на всякий случай остаться в гостинице и дожидаться либо посланника от Ибелена, либо весте из Аквилонии, но верный камердинер мягко настоял на том, чтобы пойти со мной — пока совершенно непонятно, какие именно события разворачиваются в Арелате, а потому ходить вдвоем будет безопаснее.

— Не сомневаюсь, Джигг, что вы способны задушить любого метацилленария голыми руками, — съязвил я спуская по лестнице. — И все-таки, что происходит? У вас нет никаких соображений?

— Полагаю, господин барон, нас следует отправиться на площадь перед городской ратушей и выяснить это на месте.

Как оказалось, не мы одни оказались крайне заинтригованы появлением в городе необычной армии выступающей под многоцветными знаменами самых родовитых дворян Коринфии. Местные жители, как дворяне, так торговцы и простецы толпами стекались к центру Арелаты — посмотреть на неожиданных гостей. Признаков настороженности или прямой боязни я не заметил: горожане выглядели спокойно. Такое впечатление, что они знали о подобном обороте событий — не забудем, что очень многие коринфийцы приняли учение фатаренов и тайно поддерживали идею мятежа против власти Трона Дракона.

Подозреваю, что короля Нимеда ждет крайне неприятное известие — готов собственную голову прозакладывать!

Вот и площадь Снежного Барса с памятником древнему королю Коринфии Никосу Великому. Если верить здешним легендам, Никос однажды победил с схватке означенного барса, зверь подчинился королю и стал верно служить ему — с тех пор изображение хищной белой кошки стало гербом страны, не использовавшимся с тех самых пор, как Коринфию взяли под протекторат немедийские монархи. Однако, новые власти не осмелились снести памятник или переименовать площадь — народ здесь горячий и такого оскорбления коринфийцы не спустили бы никому.

Я уже рассказывал как выглядит Арелата. Это довольно необычный город — взять хотя бы его полнейшую незащищенность от возможного противника: столица не обнесена стенами и не имеет никаких фортификационных укреплений. Только в самом центре города возвышается древний замок, каковой прежде являлся резиденцией королей Коринфии, а ныне был занят Великим Протектором, которого назначали из Бельверуса. Замок более походил на пышный дворец с бесчисленными башенками и галереями, ажурными украшениями и флюгерами на черепичных крышах. Никакого рва или подъемного моста, стража чисто символическая…

На саму площадь людей не пускали — обширное пространство перед замком было

оцеплено щитоносцами и впрямь вооруженными по немедийскому образцу: квадратные щиты-скутумы, пики и короткие мечи на поясах. Справа разместилась конница — около полусотни закованных в латы всадников. Если верить вымпелам — все до единого являлись дворянами.

Громадные птицы с наездниками в седлах топтались у самого замка и пересчитать чудовищ по головам особого труда не составило: ровнехонько двадцать две штуки. Если верить словам Гвайнарда, метацилпенариев должно быть в два или три раза больше — птиц разводили в замке барона Кулда, убежденного и ревностного фатарена. К сожалению немедийский Пятый Департамент слишком поздно спохватился и не смог пресечь деятельность увлекшегося экзотическими птичками барона — метацилпенариев тайно вывезли из замка и в качестве трофея тайной службе достались лишь два птенца…

Надо заметить, что эти птицы больше напоминают пернатых слонов — я убежден, что каждый метацилпенарий весит столько же, сколько три или четыре лошади. В высоту они достигают десяти-пятнадцати локтей (самки, обычно гораздо крупнее самцов), на жилистых лапах — острейшие кривые когти, а клювом такая вот птичка может запросто убить любое крупное животное. Легенды путешественников, бывавших на отдаленных Огненных островах, кстати, подтвердились: метацилпенарии отлично приручаются и слушаются человека. И тем не менее я очень надеюсь, что мне никогда не придется столкнуться с таким монстром в бою — слишком уж могучей и непобедимой выглядит птица.

Что происходило в самом дворце никому известно не было — по толпе даже слухов и предположений не ходило. Обычно разговорчивые и любящие поспорить по любому поводу жители Арелаты или молчали, или переговаривались шепотом, имея при этом вид самый таинственный, если не сказать — заговорщицкий. На нас Джиггом никто внимания не обращал: к чужеземцам здесь привыкли, дворяне из Полуночных стран спокон веку приезжали в Коринфию отдохнуть от холодов и вволю испить целебных вод…

— Замок никто не штурмовал, боя не было, — бормотал я себе под нос. — Да, впрочем какой тут бой? Немедийского гарнизона в городе нет, стража набирается из местных… Джигг, посмотрите, кто это? Герольды?

— Абсолютно согласен, господин барон, — отозвался верный слуга. — Если мне не изменяет память, согласно «Большому Геральдическому Кодексу королевств Заката» сии глашатаи облачены в цвета короны Коринфии, но облачения данных расцветок были отменены еще во времена правления Атаульфа II Немедийского, который ввел в протекторате церемониальные одежды Трона Дракона.

— Джигг, скажите, а чего вы не знаете?

— О, не стоит переоценивать мои скромные способности, господин барон. Разбираться в геральдике и этикете — прямая обязанность любого камердинера.

Герольдов оказалось много — четырнадцать человек. Все наряжены в зеленые с красными полосками колеты с вышивкой серебром в виде снежного барса. Колыхался на ветерке изумрудно-багровый штандарт с изображением короны — прежнее знамя Коринфии.

— Слушайте, слушайте, слушайте и не говорите, что не слышали! — глашатаи выстроились в цепочку перед собравшейся толпой, отделенной от дворца несокрушимым строем щитников. — Сим рескриптом его королевского величества короля Коринфии Амори Первого Ибелена…

Я слушал и не верил, хотя и осознавал, что все минувшие события вели именно к этому: открытому выступлению коринфийцев против Немедии. Если вкратце, то пышный

королевский рескрипт помимо обычных в таких случаях громких фраз о чести, долге, верности и патриотизме повествовал о том, что «дворянский совет Коринфии решил вверить корону и скипетр наследнику старинных монархов» — а именно герцогу Амори Ибелену, моему знакомцу и одному из предводителей фатаренов. Договор с Немедией о протекторате считался расторгнутым, подданным Коринфии «именем короля» запрещалось исполнять указания немедийских властей, а сам Великий Протектор и его наместники в провинциях обязаны были покинуть пределы восстановленного королевства в течении седмицы, но перед этим отдать распоряжение всем боевым отрядам Трона Дракона находящимся в Коринфии вернуться домой. В противном случае «дворяне и народ выступят против иноземного ига вместе со своим монархом, да благословится его скипетр незримыми силами».

Замечу, что имена богов — Митры, Иштар или Эрлика — упомянуты не были. Их заменили какими-то аморфными «незримыми силами». Вполне в духе фатаренов.

Попутно король Амори раздавал привычные любому новому государю обещания вольностей и милостей, заявил о снижении налогов аж на четверть (интересно, казна у них не разорится после эдаких послаблений?) и обещал полное и безоговорочное прощение всем преступникам, содержащимся в государственных тюрьмах. Последний пассаж меня особенно заинтересовал — в свете положения, в котором оказались граф Кертис и остальные.

Когда последний вопль глашатаев затих, коринфийцы (а чего вы еще ждали?) взорвались криками восторга — я думал, что оглохну.

Словом, это была самая обыкновенная «коронационная речь» — такие речи на моей памяти произносили и Конан при восшествии на престол, и Чабела Зингарская принявшая трон по смерти престарелого отца и Нимед II, в прошлом принц Ольтен. Новому королю необходимо в первые же дни завоевать расположение народа чтобы удержаться. Потом государь может показать себя каким угодно тираном и деспотом, но что произойдет если он едва напялив корону заявит о двойном повышении сборов и казни сотни-другой преступников — объяснять, думаю, не надо.

Народ расходиться не желал. Всем хотелось узреть монарха, который почему-то лично не показывался: Амори не вышел даже на парадный балкон дворца. Детишки, из тех что посмелее, ради развлечения начали кидаться камушками в метацилпенариев — с тем же успехом можно было запустить песчинкой в носорога. Военные тоже оставались на месте, только часть дворян спустилась с седел и проследовала в замок, над которым уже было поднято королевское знамя Коринфии взамен торжественно спущенного черно-бело-красного немедийского штандарта с распахнувшим крылья драконом.

— Может быть, нас стоит проследовать в кордегардию управы дознания? — вкрадчиво осведомился Джигг, которому явно надоело бесцельно торчать на площади и наблюдать за торжеством мятежников. — Его величество в своем указе недвусмысленно заявил…

— Слышал, — поморщился я. — Вопрос в другом: знают ли это чиновники из управы.

— Насколько я заметил, из дворца в разные части города отправились несколько гонцов.

— Это может означать все, что угодно, Джигг. Но если вам хочется — идем.

Не понимаю одного — почему во всех странах, от побережья Закатного Океана до самого Вилайета подобного рода учреждения и присутственные места располагаются с самых мрачных и некрасивых зданиях? Такое впечатление, что их строил один и тот же зодчий по единому образцу — красный или коричневый кирпич, решетки на окнах ни единого украшения, ворота во двор окованы ржавыми железными листами. Арелата является

одним из самых красивых городов Заката, но люди строившее управу дознания вкупе с прилегающей к ней тюрьмой явно решили, что на лице этого очаровательного города должен быть хоть один прыщ: пусть злоумышленники знают, что здесь обитает само Правосудие!

Когда мы вошли внутрь, то сразу заметили, что в управе царит эдакое пикантное возбуждение — особой суматохи в связи с эпохальными реформами не наблюдалось, но и чиновники и стража весьма многозначительно переглядывались, шушукались, пуще обычного шуршали бумажками и звякали оружием. На стене красовался роскошно оформленный пергамент с королевским гербом и пышной печатью — по ближайшему рассмотрению оказалось, что это рескрипт Амори, совсем недавно зачитанный на площади Снежного Барса. Быстро сработали, ничего не скажешь — полагаю, копии указа были заготовлены заранее и сегодня поутру развезены по всем государственным управам. Кстати, немедийский герб над столом начальника тоже исчез, однако нового пока не появилось.

Решив, что сейчас самое время разыграть из себя развязного нахала и апеллировать к авторитету высших я оперся кулаками о заваленную пергаментами столешницу и грозно воззрился на пожилого чиновника.

— Если, сударь, вы помните — я барон Линген, подданный Аквилонской короны, — с напором сказал я. — И сейчас я требую незамедлительного освобождения моих друзей, так же прибывших в ваш негостеприимный городок из владений короля Конана Канах? Надеюсь, слышали о таком? Я не собираюсь терпеть произвол!

— Ваша милость, дознание по делу этих месьоров продолжается, — устало сказал начальник. — Вы же сами понимаете, что повод весьма серьезный: нападение на замок Астер с его последующим уничтожением, черная магия…

— Ах черная магия? — взревел я. — Скажете, что мой личный лекарь (это про Валента. Он выступал здесь именно в такой роли) использовал злое колдовство? Бред! До-ка-за-тель-ства! На стол!

Я орал не менее полуквадранса, не давая чинуше и единого слова вставить. Взывал к логике, ссылался на свидетелей, грозил жаловаться самому Конану, каковой обязательно встанет на защиту своих добрых вассалов (будто у него сейчас других занятий нет…) и наконец привел самый убойный аргумент — ткнул пальцем в указ Амори:

— Мне плевать на то, что в Коринфии сменилась власть, сударь! Но если вы в первый же день правления нового короля отказываетесь выполнять его первый рескрипт, то как он может надеяться на благополучное царствование? Я немедленно отправлюсь в замок и буду настаивать на аудиенции! Вы должны понимать, что для короля гораздо важнее сердечные отношения с Троном Льва, нежели ваше желание обвинить ни в чем не повинных чужеземцев в варварском преступлении, о котором они и помыслить не могли, не то, что исполнить таковое!

(Тут, как говорят плохие сочинители, перед моим внутренним взором появилась ухмыляющаяся физиономия графа Кертиса. Голубь наш белокрылый, сама невинность… Я едва подавил желание рассмеяться.)

— Нам следует получить соответствующее распоряжение, — сухо ответил чиновник, накрепко привыкший к знаменитой на весь континент немедийской системе всеобщей бюрократии: без надлежащих инструкций, предписаний и директив никто не имеет права даже сходить в нужник или выпить стакан воды.

Я было подумал, что импровизированная атака бездарно провалилась, но боги не оставили меня своими милостями. В кордегардии появился человек в облачении капитана

городской стражи (ох и хорошо они подготовились! Форма-то новенькая, с гербом Коринфии!), молча прогрохотал сапогами по грязным доскам пола, растолкал мелкую чиновную шушеру окружившую нас чтобы посмотреть на скандал и вручил старикану пергаментный свиток.

— Гм… — с лица начальника внезапно сползло выражение непоколебимости. Прочитанный свиток упал на стол. — Барон Линген, ваша милость… Я и предположить не мог… Конечно, конечно, сейчас! Эй, там! Стража! Немедленно приведите аквилонцев! Сударь, умоляю, не гневайтесь — я лишь выполнял строжайшие указания, ночью приходили важные персоны… Сейчас вам вернут все бумаги. Подорожные и дворянские грамоты сюда, живо!

Я ничего не понял. Чьи указания? Какие персоны приходили ночью? Один только Джигг не растерялся: камердинер аккуратно обогнул стол, встал рядом с начальником и быстро прочитал пергамент. Левая бровь Джигга слегка приподнялась, что означало крайнюю степень взволнованности.

Привели всю троицу невинных мучеников. Валент и Гвайнард выглядели вполне бодрыми и здоровыми, а вот граф Кертис смотрелся неважно — бледный, походка как у пьяного, под правым глазом сияет всеми красками заката роскошный синяк. Его что, били?

— Приношу свои искренние извинения, месьоры, — чиновник взмок, по морщинистому челу текли капли пота. — Уверяю, я не виноват… Распоряжения…

— Забудьте, дело в сущности совершенно житейское, — проворчал Кертис и повернулся ко мне. — Барон, у меня сейчас есть лишь одно желание — вернуться в «Горного орла» и попросить вашего лекаря (кивок на Валента) привести меня в порядок.

— Вы еще у меня попляшете! — пригрозил я начальнику, сунул за пазуху свитки с нашими бумагами и развернулся на каблуке. — Идемте домой, месьоры! Клянусь, в следующий раз я поеду отдыхать в Зингару! Ноги моей больше не будет в Арелате! Никогда!

Чиновник проводил меня странным взглядом.

* * *

— Что с Кертисом? — когда Валент пришел в мои комнаты пропустить бокальчик красного вина, я первым делом задал этот вопрос. — Сильно досталось?

— Изрядно, — проворчал маг, плюхаясь в кресло. — Подозреваю, что они или точно знают о нашей миссии или раскрыли одного лишь Кертиса. Графу во время допроса сломали четыре ребра, вдобавок настучали по голове… Скажите спасибо, что Магия Равновесия способна исцелять не хуже Светлого волшебства. Сейчас Кертис спит, завтра проснется совершенно здоровым.

— Немыслимо! — искренне возмутился я. — Ни в одном королевстве Заката пытки к дворянам не применяются, это старинная привилегия! Тогда почему вас с Гвайнардом не тронули?

— Хальк, ну что за детский лепет? — поморщился сидевший напротив Гвай. — Взрослый вроде бы человек, не первый год знаком со всеми неприглядными тайнами большой политики… О каких привилегиях может идти речь, когда на кон поставлено целое

королевство да еще и огромные сборы с купцов, перевозящих товары по Дороге Королей, часть которой проходит по землям Коринфии? Этого мало: Амори теперь еще сможет контролировать торговлю между Полуднем и Полуночью, больше половины перевалов Карпашских гор ведущие из Кофа, Шема, Заморы, Хорайи и Хаурана теперь окажутся в его власти… Мы же сто раз об этом говорили! Вся эта заваруха устроена только ради золота. Ради очень большого количества золота, которое прежде шло в казну Бельверуса, а теперь останется в Коринфии.

— Повторяю: предводители фатаренов наверняка знают, кто мы такие на самом деле, — добавил Валент. — Меня не тронули потому что знали, на что может быть способен защищающийся маг, а Гвай стоит в самой знаменитой гильдии Заката, Ночная Стража обязательно отомстила бы обидчикам… Правильно?

— Правильно, — кивнул Гвайнард, соглашаясь. — Кертис всего лишь обычный человек, если говорить прямо — шпион. И плевать на то, что он является правой рукой барона Гленнора. Прямого протеста Аквилония не заявит, тем более что граф находится в Арелате под чужим именем, да и разбираться в деле досконально Гленнор тоже не станет — других трудностей невпроворот, война началась. И потом, тут действует казуистика — кто вам сказал, что применялись пытки? Никто ему раскаленные иглы под ногти не засовывал, ремешки со спины не снимал. Так, приложили пару раз об стенку… Валент, Кертис что-нибудь рассказал?

— Только то, что прошлой ночью в его камеру заявились трое незнакомцев в плащах с капюшонами и парочка костоломов. Вначале вежливо уговаривали перейти на службу «великой Коринфии» и рассказать все, что ему известно о планах короля Конана, золотые горы сулили. Но ведь Кертис у нас верный вассал Трона Льва, да и сломать его нелегко — сам на поприще тайных игр и ночных допросов сотню собак съел. Потом, разумеется, господа фатарены разозлились и, как емко выразился месьор Гвайнард, начали чуточку прикладывать об стену.

— Кстати, а с чего вдруг нас освободили? — задал вполне резонный вопрос Гвай. — Хальк, ты разговаривал с герцогом… точнее, уже с королем Амори?

— Допустим, настоящим королем он станет только после признания его права на престол Арелаты иными государями Заката, заключения всех надлежащих договоров и обмена посланниками, — поджав губы сказал я. — Сегодняшний тихий переворот показался мне очень странным. Он был слишком уж тихим, особенно если учитывать то, что сам король перед ликующими верноподданными не появился, рескрипт зачитывали герольды. Странно. Подозреваю, что Амори Ибелен… — я запнулся, подбирая слова. — Э-э… не полностью аналогичен представленной народу «персоне короля».

— А по-моему, он полностью аналогичен козлу, — грубо отозвался Гвайнард. — Немедийцы немедля предпримут ответные меры. Да, Трон Дракона после гражданской войны потерял часть былого могущества, но армия у Нимеда сильная и он не потерпит мятежа в протекторате, приносящем огромный доход казне. Тут никакие метацилленарии не помогут, в конце концов и с гигантскими птицами можно бороться, научатся… Давайте пока не будем говорить о большой политике, а? Смысла нет, все равно мы никак не можем на нее повлиять.

— Согласен, — отозвался Валент. — Хальк, у нас есть свои трудности. Я видел во дворе «Горного орла» новые лица — это не постояльцы и не прислуга. Шпики, по лицам видно. Теперь к каждому из нас приставят по три соглядатая, ни шагу сделать не сможем без их

присмотра, следовательно наше дальнейшее пребывание в Коринфии не имеет никакого смысла. И все-таки, кому мы обязаны счастливым избавлением, если не новому королю?

— Джигг! — я хлопнул в ладоши. — Зайдите к нам!

Камердинер немедля появился на пороге комнаты.

— Что будет угодно господину барону и достойнейшим месьорам?

— Джигг, вы же прочли пергамент доставленный в кордегардию? Я видел ваше лицо, кажется вы были немало удивлены.

— Совершенно справедливое замечание, господин барон. Я действительно был несколько обескуражен.

— Рассказывайте!

— Дело в том, господин барон, что в означенном документе вы были обозначены как «дворянин, называющий себя Омсой, Бароном Лингеном»…

— О боги всеблагие, Джигг! Конечно же, это имя проставлено в подорожных и моей дворянской грамоте и все присутствующие об этом отлично знают! Почему же вы были «обескуражены»?

— Я не закончил, господин барон. Если быть совершенно точным, пергамент за подписью короля Амори Ибелена гласил: «Дворянин, называющий себя Омсой, бароном Лингеном, а в действительности являющийся наделенным соответствующими полномочиями посланником к двору королевства Коринфия его величества Конана I Аквилонского тайным советником короны Хальком, бароном Юсдалем-младшим, равно как и его сопровождающие пользуются правом неприкосновенности в соответствии с традициями и обычаями принятыми нашими благородными предшественниками, занимавшими престолы великих государств Заката. Сие подтверждено надлежащими верительными грамотами, кои получены нами непосредственно от царственного брата нашего Конана Канах, государя Аквилонии…»

— Чего? — ахнул я. — Каким посланником? При чьем дворе? Какими еще грамотами? Джигг, вы ничего не перепутали?

— Я видел эти строки собственными глазами, господин барон. Позвольте искренне поздравить вас с назначением на столь важный пост.

Глава 2
ПЕРВЫЙ РАССКАЗ ЗЕНОБИИ
«Запах грозы»

6 день третьей осенней луны 1296 г.
Толоза, Полуденный Пуантен..

Только вчера король Конан мог праздновать победу, быструю и одержанную малой кровью. А сегодня мой возлюбленный супруг сам оказался в положении осажденного. Самое неприятное в том, что осаждены мы и с фронта и с тыла — под стенами Толозы стоит многочисленная и хорошо вооруженная армия мятежных дворян Полудня, а в самом городе остается множество его жителей, не испытывающих к Конану Канах и его гвардии теплых чувств.

Ситуация почти безвыходная: войско графов Бигора и Коменжа не позволит гвардии покинуть Толозу и отступить, но и взять «розовый город» штурмом бунтовщики не могут — осадных машин у них нет, а наши онагры мастера успели разобрать и доставить в Толозу. По крайней мере их не захватил враг, что радует.

Пока что Конан спокоен — припасов в Толозе достаточно, вскоре должны будут подойти несколько дополнительных легионов, срочно вызванных с немедийской границы, в самом городе относительно спокойно — местные смотрят на гвардейцев отнюдь не миролюбиво, но открыто выступать побаиваются, ибо чревато. Киммериец решил показать характер и поступил так, как на его месте сделал бы любой король, столкнувшийся с мятежом своих «добрых подданных» — повесил два десятка зачинщиков, нескольким дворянам участвовавшим в бунте были снесены головы, а с пойманными проповедниками и жрецами фатаренов разобрались суровые митрианские монахи ордена Вечного Солнца под предводительством брата Бернарта Монеды из Зингары. Долгие разговоры и философские диспуты на тему «чья вера правильнее» не велись, еретиков попросту засунули в деревянные клетки, обложили соломой, полили маслом и торжественно сожгли на главной площади Толозы.

— А как еще прикажете поступать? — ярился король, когда я намекнула, что излишняя жестокость приведет лишь к озлоблению толозцев, вполне способных сыпануть яду в колодцы, которыми пользуется аквилонская гвардия или устроить покушение на самого Конана. — Я полностью в своем праве! Дженна, пойми, я вовсе не собираюсь запомниться потомкам в качестве кровавого деспота, тиранящего и угнетающего свой народ! Но эти люди взяли в руки оружие, изменили присяге трону и убивали людей короля! Еще мало повесил, надо было всю городскую стену разукрасить!

— Остынь, — поморщилась я. — Лучше подумай, что теперь делать. У нас четыре тысячи клинков, у мятежников больше девяти.

— Но мы сидим в крепости, а Бигор, Коменж и Раймон Толозский стоят в чистом поле. Прокормить такую ораву будет затруднительно — сама же видела, они пришли без обоза, припасов в замке Нарбонет на всех не хватит…

Король мрачно посмотрел в окно своей временной резиденции, обустроенной и ратуше Толозы. На другом берегу реки Арье возвышались башни родового гнезда толозских графов,

замка Нарбонет. Посреди широкой реки стояли аквилонские боевые галеры, сейчас бесполезные.

Напомню, что королевская гвардия взяла Толозу позавчера, после блестяще проведенного сражения — Паллантид и его Черные Драконы захватили городские ворота и надвратную башню, впустив в город основные силы. Сопротивление было ожесточенным, но всем известно, что никакое городское ополчение не может противостоять отлично обученным гвардейцам, прошедшим не через одну войну. Ближе к вечеру Толоза была «принуждена к повиновению», потери среди ополченцев были весьма внушительны. Но едва бой закончился, как пришло донесение от дальнего дозора — на помощь графу Раймону (отсиживавшемуся в Нарбонете) идут его родственники и вассалы, собравшие изрядное войско.

Конан и его легаты понимали, что принимать сражение в чистом поле бессмысленно — противник превосходит нас численностью более чем в два раза. Вариантов было два: бросить все, как можно быстрее погрузиться на корабли и отступить. Или запереться в городе и подождать подкреплений.

Разумеется, король и слышать не желал ни о каком отступлении! Во-первых, победу нельзя было упустить из рук, а во-вторых бегство нанесет сокрушительный удар по боевому духу армии и престижу короля. Посему гвардейцы быстро свернули полевой лагерь и переправили в город осадные машины, корабли отошли подальше от берега, чтобы не оказаться под ударом вражеских лучников. Ворота Толозы были закрыты и дополнительно укреплены.

У всех, включая меня (королева обязана разбираться в военном деле), сложилось впечатление, что четкого плана действий у Раймона и его вассалов попросту не было. Армия подошла к городу, разбила лагерь, но вести правильную осаду оказалась неспособна — силами одной пехоты, набранной из необученных простецов, Толозу не возьмешь, а конница (числом до полутора тысяч копий) в данном случае напрочь бесполезна. Единственное, что может сделать подобное войско — перекрыть пути к отступлению.

При свите Конана, конечно же, состоял так называемый «мастер королевских посланий» — этот человек вовсе не был писарем или хранителем пергаментов, он отвечал за клетки с почтовыми соколами. Как только королевская гвардия из положения осаждающих перешла в положения осажденных, в военную управу Тарантии отправился пестрый сокол с прикрепленной к лапке медной капсулой — король требовал немедленной помощи. Ради подавления мятежа Конан вынужден был оголить рубежи с Немедией, что не наносило безопасности страны особого урона — у нас с Троном Дракона теперь прочный союз, да и трудности общие…

А пока мы бездеятельно сидели в городе ощущая себя примерно так же, как лиса в обложенной охотничьими собаками норе.

* * *

На обед «по-походному» я обычно приглашала только близких друзей — Тотланта, Паллантида или графа Люксэ, чьи люди выдержали многодневную осаду в городской

цитадели. Ратуша отлично охранялась (обычно на страже стояло до ста пятидесяти Черных Драконов) но у меня имелись все основания не доверять Розовому Городу. Посему приготовлением пищи для королевского стола занимались не самые изысканные, зато верные трону гвардейские кухари. Прежнюю прислугу пришлось изгнать, но мы не особенно страдали — ни я, ни Конан не были привычны к толпе камердинеров-лакеев-камеристок, даже в Тарантии я всегда одевалась самостоятельно и своими руками готовила завтрак мужу. Купеческое воспитание, ничего не поделаешь. Кроме того, все давно привыкли к тому, что Трон Льва занял варвар, взявший себе в супруги бывшую торговку…

Сегодняшняя трапеза тоже излишней пышностью не отличалась. На стол подали мясо с тушеными овощами, пшеничные лепешки и вино, никаких изысков. На приглашение откликнулись лишь Тотлант и митрианский жрец Бернарт, у всех остальных хватало дел.

— Как успехи в деле искоренения ереси? — обратился к монаху Конан, едва мы сели за стол. — Многих успели переловить?

— Ваше величество, если бы мы действительно решились «искоренить» учение фатаренов, то пришлось бы сжечь три четверти населения города, — меланхолично ответил Бернарт и отхлебнул из кубка. — Проповедников и жрецов фатаренского культа мы выявили, допросили и предали очищающему пламени, но тем самым лишь восстановили против себя горожан. Не могу отделаться от ощущения, что в спину мне постоянно направлен арбалет, приходится ходить с большой охраной, а гвардейцам не слишком нравится выполнять функции тайной службы…

— Удалось узнать что-нибудь интересное?

— Большинство проповедников — коринфийцы, — сказал Бернарт. — Был один зингарец и один подданный Офира. Разговорить всерьез никого не удалось — молчат мерзавцы, хоть ты тресни! Даже… кхм… решительные меры воздействия не помогают. Смерти они не боятся, уверены, что покинув бренное тело их незапятнанный дух уйдет в вечное царство света, освободившись от порочной и греховной плоти. Это фанатики, ваше величество. Опасные фанатики.

— Неужели вы не смогли ничего вытрясти? — покачала головой я. — Наверняка у фатаренов должны быть жрецы высокого посвящения, капища…

— Справедливо, моя королева, — кивнул монах. — Нам удалось расколоть только проповедника родом из Зингары. Оказалось, он происходит из знакомых мне мест, я знавал его дядюшку в свое время. Пришлось пригрозить, что если он станет запираться, братья Ордена арестуют его семью по подозрению в распространении духовной заразы, а после такого обвинения путь один — в пламя… Знал он немного, только то, что верховные жрецы фатаренов, «Совершенные», нашли убежище в горах, в почти неприступном замке Монтегю, это владения графа Фуа, у самых границ с Зингарой. Вот и все, собственно.

— И что вы сделали с этим человеком? — мрачно поинтересовался Тотлант.

— В сложившейся ситуации милосердие к бунтовщикам и сектантам недопустимо, — пожал плечами Бернарт. — Пусть на Серых Равнинах его душа найдет успокоение и забвение.

— Круто вы за дело взялись, — отозвался Конан. — Впрочем, я бы на вашем месте поступил так же. Благодаря фатаренам под угрозой оказалось само существование нашей страны.

— Не только страны, но и привычного нам мироустройства, — жестко заметил монах. — Отринув прежних богов люди не найдут новых, на смену Митре и Иштар придет пустота, а природа пустоты не терпит, как всем известно. Их место немедленно займут иные боги и, я

полагаю, далеко не самые добрые. Путь фатаренов ведет во тьму.

— Мир всегда состоял из Тимы, Света и Равновесия меж ними… — заикнулся было Тотлант, но Конан стукнул кулаком по столу:

— Тотлант, давай обойдемся без никому не нужной философии! Тьма, Свет — кто их когда видел вживую? Предпочитаю смотреть на реально существующие вещи, а вижу я сейчас только начавшуюся гражданскую войну и мятеж!

Стигиец немедленно обиделся и замолчал. Обед и дальше продолжался бы в гнетущей тишине, но в трапезной нежданно появился гвардейский капитан из «Серебряной сотни», самого уважаемого полка «Драконов» — они являлись непосредственными телохранителями монарха, сотня набиралась исключительно из тех людей, что особо отличились в войнах и умели виртуозно обращаться с любым оружием, от банального меча до экзотических метательных звезд.

— Прошу простить, что прерываю трапезу, — отчеканил капитан. — Ваше величество, легат Паллантид сообщает, что требуется личное присутствие короля. В Толозу прибыл граф Коменж.

— То есть как — прибыл? — не понял Конан. — Откуда?

— Прибыл для переговоров, с двумя оруженосцами. Паллантид распорядился впустить его светлость в город. Посланник дожидается вас в Синей башне.

— Обед отменяется, — король резко встал, опрокинув стул. — Посмотрим, что скажет нам этот Коменж… Кто со мной?

Ясно, что вызвались я и изнывающий от скуки Тотлант. Брат Бернарт сославшись на занятость остался в ратуше — продолжать дознание о недавних бесчинствах в Толозе и беседовать по душам со схваченными фатаренами, еще не успевшими познакомиться с «очищающим пламенем».

Оседланные лошади ждали нас во дворе, здесь же находились два десятка «Серебряных», составлявших охрану короля. Конан по прежнему верил в свою счастливую звезду и на настоятельные просьбы Паллантида увеличить личную стражу хотя бы до полусотни мечей неизменно отвечал отказом.

В любом случае мы ехали по пустынным улицам Толозы очень быстро — лошадей пустили в галоп. Неизвестно, из-за какой ставни прилетит отравленная стрела или дротик.

Горожане доселе предпочитали сидеть дома — знали, что в Толозе свирепствуют не знающие пощады к фатаренам монахи из Ордена Вечного Солнца. Лавки и таверны закрыты, рыночная площадь пуста и только ветер гоняет сухие листья. Изредка встречаются разъезды конной гвардии — по пять всадников. Лишь совсем рядом с городской стеной я углядела работающую пекарню: свежие лепешки нужны всем, и мирным жителям и военным, а потому хлебопек здраво рассудил, что война войной, а оставлять людей голодными и терять причитающееся за труд серебро смысла не имеет.

Вот и Синяя башня. Вообще-то, как и все здания Толозы, она сложена из розового камня, добываемого в каменоломнях к Восходу от города, но крыша покрыта темно-синей черепицей. У входа изрядное оживление, много военных, какие-то девицы самого легкомысленного вида, и — о чудо! — несколько торговцев с лотками украшенными фруктами, кувшинчиками с вином и холодным копченым мясом.

Фигура у Конана довольно тяжеловесная, мой супруг относится к невеликому числу людей, которые выглядят «большими», что по росту, что по ширине плеч и массивности. Но я всегда удивлялась, наблюдая, сколь легко он спрыгивает с седла и не понимала, откуда в

нем столько мальчишеской подвижности. Вроде бы уже взрослый человек, почти вплотную подошедший к границе, разделяющей «зрелость» и «годы увядания» — Конану скоро исполнится сорок семь лет.

Однако и на этот раз он выполнил привычный трюк с ловкостью акробата, привычно выслушал всеобщий рев восторга «Да здравствует король!», подождал, пока я и неповоротливый Тотлант разберемся со стременами и направился ко входу в башню.

Паллантид ждал нас на втором этаже вместе с представительным темноволосым месьором средних лет в желтой котт-д-арм с двумя червлеными леопардами, в геральдике именуемыми «идущими львами настороже». Ясно, этот красавчик с чеканным профилем и умными карими глазами и есть мятежный граф Коменж. В уголке замерли два его оруженосца из совсем зеленой молодежи — обоим лет по семнадцать, не больше.

— Государь! — вскочил Паллантид. Граф Коменж поднялся поспешно, но не теряя достоинства — все-таки представитель древнего и уважаемого рода, состоящего в родстве с некоторыми прежними королями Аквилонии. Кажется, жена Дагоберта II происходила из этой семьи, точно не помню.

Конан молча опустился в кресло и жестом дал понять всем остальным, что можно присаживаться. Я устроилась рядом с мужем, как и полагается королеве по этикету.

Коменж недоуменно взглянул на Тотланта — наш волшебник был облачен не в орденский костюм Конклава Равновесия, а в привычный черный с золотом балахон. Если учитывать внешность стигийца, любой непосвященный мог подумать, что перед ним находится самый настоящий колдун Черного Круга Птейона.

— Счастлив приветствовать ваше королевское величество и видеть государя в добром здравии, — невозмутимо сказал граф, соблюдая установленные правила приличия, которые, впрочем, тут же были нарушены Конаном:

— А я вот ничуть не счастлив, — резко прервал речи Коменжа варвар. — Поскольку говорю с мятежником, забывшем о вассальной присяге королю и имеющем наглость явиться пред очи своего монарха после того, как привел войско угрожающее королю!

— Войско пришло на помощь нашему сюзерену, Раймону, графу Толозы, — холодно ответил Коменж. — Его светлость принял Рокод против короны, поскольку Толоза подверглась нападению гвардии вашего величества.

— Государь, знамя Рокода снова развевается над Нарбонетом, — напомнил Паллантид. Я только усмехнулась — уж больно скользким угрем оказался Раймон: два дня назад, когда перевес сил был на нашей стороне замок украшали бело-черно-оранжевые вымпелы, означающие узаконенный мятеж против короля, когда подошла подмога его сняли, а когда стало окончательно ясно, что нас голыми руками не возьмешь — снова подняли. Это нарушает все мыслимые традиции, следовательно бунт не имеет никакого вида законности и в случае нашей победы (в которой я не сомневаюсь) Раймон уже не отделается вечным заточением в своем замке, а отправится на эшафот.

— Рокод, да, конечно же… — нехорошо оскалился Конан. — Итак, что имеют сказать королю господа мятежники? Ну же, Коменж, не стесняйтесь! Требуйте! Что вам надо? Свое королевство, золото, разрешение на проповеди фатаренов, запрет митрианства на ваших землях? Нам будет интересно послушать!

— Государь, уйдите из Толозы, — серьезно сказал граф. — Дайте нам жить так, как мы хотим, не навязывайте свои законы и свою веру. Да, мы отринули Митру и другие древние культы, но свобода исповедания никогда не была запрещена во владениях Трона Льва,

каждый имел право верить в того бога, в какого хотел. Мы не желаем отделения от Аквилонии и не станем отрекаться от вассальной присяги — воины Полудня всегда будут готовы придти на помощь своему королю в случае опасности. Повторюсь, государь: позвольте нам жить так, как нам указует совесть и разум.

— А не то?.. — ласково спросил киммериец.

— В противном случае начнется война. Никому не нужная, долгая и кровопролитная. Поймите, ваше величество, мы хотим лишь…

— Хватит! — поднял голос Конан. — Меня мало интересуют ваши желания. Аквилония — великое и единое королевство, которое сознано многими поколениями наших предков и я никому не позволю его разрушить!

Коменж сдержанно улыбнулся.

— Наших предков? Возможно. Именно наших.

Я замерла. Конан может быть сотню раз киммерийцем, но обретя корону и скипетр Древних Королей он начал считать себя аквилонцем. Самым что ни на есть коренным и природным аквилонцем. Подобные намеки для некоторых не слишком разборчивых в словах месьоров уже закончились плахой…

Но Конан сдержался, хотя я видела, с каким трудом ему это далось.

— Условия? — спросил король. — Меня не интересуют громкие слова. У вас и Раймона Толозского есть четкие предложения?

— Конечно, — ответил граф. — Вот, послушайте…

И Коменж извлек из рукава пергаментный свиток.

* * *

Если вы помните, я уже рассказывала о крайне неприятной истории происшедшей незадолго до взятия Толозы Аквилонской гвардией. Городской совет посчитал, что сможет уговорить Конана отказаться от военных планов и прислал в королевский лагерь почти два десятка вигуэров, кои и должны были остудить воинственный пыл его величества.

Как и следовало ожидать результат оказался прямо противоположным. Я рассчитывала, что Конан попросту выставит почетных граждан Толозы, но короля так разъярили сладенькие речи вигуэров, которые с ясными и честными глазами уверяли «возлюбленного государя» в своей неизбывной преданности, что киммериец решил примерно наказать бунтовщиков. В результате на поле, напротив городских стен, появились девятнадцать виселиц, а в Толозе поняли, что шутить Конан не намерен.

Во время весьма напряженного разговора с графом Коменжем меня глодало нехорошее предчувствие, что дело кончится тем же — поскольку выставленные дворянами Полудня условия были совершенно неприемлемы и Конан воспринял их не только как личное оскорбление, но и как оскорбление Высокой Короны, каковое всегда и во все времена незамедлительно каралось смертью, будь ты золотарем или Великим герцогом.

Итак, что же предложили королю граф Раймон и его верные родственнички? А вот что.

Дворяне Полудня (формально оставаясь вассалами Аквилонии) должны получить право суда на своих землях, право не платить налоги в казну Тарантии (им убеждения не позволяют

возиться с презренным златом… Ну-ну…), они не будут обязаны выполнять распоряжения королевских наместников и самого монарха, если таковые ущемляют их фатаренскую веру. Кроме того, митрианцы или иштарийцы не должны вести проповеди и открывать храмы своих богов на Полудне.

Взамен королю предложили следующее: «Совершенные» не станут распространять учение пророка Мэниха на остальных землях королевства, а в случае возможной войны с соседями Толоза, Коменж, Бигор и Фуа придут на помощь королевской армии, как и положено по вассальному договору. (Заметьте, речь зашла о «договоре», а не присяге!) Причем делалась оговорка: означенные графы не станут воевать со своими «братьями», сиречь фатаренами. Но в то же время Корона обязана защищать их как и всех прочих вассалов Трона Льва…

Ни один король никогда на такое не согласится! Если, конечно, этот король силен, располагает огромной армией и почти неограниченными средствами. Теоретически, сейчас Конан имел все возможности раздавить мятеж — за его спиной стояла почти вся Аквилония и против фатаренов был заключен союз с Немедией и Зингарой. Но для подавления бунта требуется время — надо подтянуть войска, закрыть границы и перерезать торговые пути, затем придется долго выковыривать мятежников из их горных замков, а впереди зима…

Тут я согласна с Коменжем — война грозит перерасти в затяжную, а народ таких войн не любит: простецы куда больше воодушевляются после сообщений о лихих победах. Но когда начинают повышаться налоги, купцы не могут нормально торговать, у кметов отбирают часть урожая для прокорма армии, того и гляди что недовольство начнет расти и в верных королю провинциях. В любом случае план молниеносной войны разработанный Конаном и Паллантидом почти сорвался…

Самое неприятное сообщение пришло с почтовым соколом ближе к вечеру, когда Конан решительно отказался принять соглашение с мятежниками и выставил Коменжа вон из крепости. «Мастер королевских посланий» передал депешу Паллантиду и я увидела, как у нашего доблестного легата глаза на лоб полезли. Затем клочок тонкого пергамента оказался в руках Конана.

— Ну и дела, — выдавил король, прочитав. — В ближайшее время подкреплений ждать не следует. Оба легиона снятые с немедийской границы частично разгромлены, частично отступили на исходные рубежи.

— Что-о? — протянула я, не веря своим ушам. — Разгромлены? Кем? Когда? Где?

— Эти полки располагались полуночнее Шамара, прикрывая перевалы Немедийских гор со стороны Шамарского герцогства и маркграфства Ройл, — пояснил Паллантид. — Получив приказ, они двинулись на Полдень вдоль горного хребта к реке Тайбор, где должны были погрузиться на галеры и прибыть сюда… Сами знаете, наши земли за Тайбором отвоеванные Сигибертом Завоевателем примыкают к полуденным графствам Трона Дракона, тоже охваченным ересью, а там и до Коринфии рукой подать.

— Нападение произошло ночью, противник подошел со стороны немедийской границы, — сказал Конан, угрюмо поглядывая на депешу. — Нашу пехоту застали врасплох, в полевом лагере. Использовались какие-то невиданные боевые животные, похожие на гигантских нелетающих птиц — подозреваю, что мятежники пустили в бой метациплениариев, о которых говорили Гвай и Мораддин. Да еще и какая-то неизвестная магия — надо полагать, среди нападавших оказались колдуны «Черного Солнца».

— И что? — пролепетала я, хотя отлично понимала каков будет ответ.

— Не маленькая, сама должна понимать, — огрызнулся возлюбленный супруг. — Ночь, внезапность атаки, войско отдыхает, а тут еще и здоровенные чудовища, против которых нет никаких способов борьбы! А еще — какой-то «ползучий белый огонь». Тотлант, не знаешь, что это за гадость?

— Знаю, — буркнул волшебник. — Кхарийское боевое заклинание, описания в книгах сохранились, но формула заклятья считалась утерянной. Очередное гениальное изобретение мага Оридата, считавшегося самым могучим колдуном-воителем Ахерона. По мне, так этого Оридата следовало придушить еще в колыбели, слишком уж много жутких заклятий создал.

— В общем, потери составили только убитыми до четверти от общего числа двух легионов, — закончил король. — Уцелевшие беспорядочно бежали на Полночь и только на следующий день командиры сумели хоть как-то навести порядок. Обоз, ясное дело, достался противнику. Вот так сюрприз…

— Подождите, подождите! — запротестовала я. — У страха глаза велики! Да вы сами посчитайте! Пеший легион — шесть тысяч щитников да еще сотни две всадников. Получается больше двенадцати тысяч клинков! Потеряна четверть? Это же тридцать сотен! Откуда такое число жертв?

— Военная управа не доносит, сколько боевых животных использовалось противником, в депеше сказано «около трех десятков», — ответил Паллантид. — Насколько я понимаю, каждая такая птица очень велика и почти неуязвима.

— А еще метацилленарии отлично видят в темноте, — добавил Тотлант. — Они же хищники… Может быть погибших и поменьше, но кто при царившей в лагере панике мог точно сосчитать?

— Это уже перебор, — недобро процедил киммериец. — После таких известий я начну войну на уничтожение. Метацилленарии, говорите? Тотлант, у вас в Стигии можно купить боевых слонов?

— Мы сами покупаем их в Кешане или Пунте, — покачал головой волшебник. — Обученные олифанты стоят огромных денег, да и как ты собираешься переправить их в Аквилонию? Пешим ходом, через Кофийский Хребет, Шем и Аргос? Они и за год не дойдут!

— С деньгами разберемся, — поморщился Конан. — Канцлер Публио напряжет свои мозги и найдет, где достать золото! Доставить их сюда можно по морю, попрошу у королевы Чабелы предоставить нам тяжелые галеры, зингарка не откажет…

— Думаю, государь, сейчас стоит поразмыслить не о боевых олифантах, а о положении в котором мы оказались, — осторожно перебил Паллантид. — Гвардия заперта во враждебном городе, мятежники, как выяснилось, поддерживают друг друга, иначе с чего бы немедийским и коринфским фатаренам нападать на войска идущие нам на подмогу… Как человек военный я делаю неутешительные выводы: Толозу придется оставить, перебраться на восходный берег Хорота, там сформировать боеспособную армию и лишь потом мгновенным ударом разгромить силы противника.

Конан молча побарабанил пальцами по столу. Доводы Паллантида были разумными, но как не хотелось королю признавать свое поражение, пусть и временное!

— Придется еще подумать о противодействии боевым птицами и магии Черного Солнца, — подлил масла в огонь Тотлант. — Волшебством я могу заняться сам, призвать на помощь друзей из Конклава Равновесия… А вот с метацилленариями пусть разбирается Ночная Стража.

— У меня есть план отступления, — снова нажал Паллантид. — Прорваться по суше мы

не сможем или потеряем слишком много людей — надо думать о том, как сохранить костяк гвардии, такие потери будут невосполнимы. Придется уходить по реке. Галеры стоят на якоре и готовы по первому сигналу принять на борт наши полки.

— Пристань находится за стенами города, — мрачно сказал в ответ Конан, и я поняла, что он почти принял решение. — Как только корабли подойдут к брегу, они могут оказаться под ударом армии Коменжа, их захватят или запросто сожгут огненными стрелами.

— Нужен отвлекающий маневр, — проговорил легат. — Я уже успел все продумать…

— Ты просто государственный изменник и пораженец, Паллантид. — хмыкнул Конан. — Ладно, не обижайся. Что ты можешь предложить?

— Существуют две реальных угрозы. Первая исходит от упомянутого вашим величеством войска мятежников. Во-вторых, нам в спину могут ударить добрые жители Толозы, что мечей, что арбалетов у них хватит, а сумятица во время посадки на корабли приведет к излишним жертвам.

— Логично, — согласился король, кивая. — И дальше что?

— Надо себя обезопасить. Ближе к вечеру мы соберем большую часть гвардии у Речных ворот города, за которыми находятся пристани. С наступлением темноты я отдам приказ поджечь те кварталы, что окружают подходы к воротам — огонь не позволит горожанам приблизиться к отступающим гвардейским сотням…

— Кром Могучий! — король едва за голову не схватился. — Граф Люксэ со своими молодцами уже спалил часть города во время осады цитадели! Хочешь, чтобы от Толозы остались одни головешки?

— Ваше величество сами сказали, что речь идет о войне на уничтожение…

— Жаль город, красивый, — буркнул Конан. — Хорошо, мысль с поджогом дельная.

— Затем я предполагаю вывесить над барбикеном Синей башни знак, символизирующий то, что мы сдаемся на милость победителя и распахнуть ворота.

— Ну уж нет! — взорвался искренне возмущенный король. Паллантид, ты думаешь, о чем говоришь? Открыть ворота, чтобы Коменж со своими головорезами вошел в город — это пожалуйста, все равно они не смогут пробиться к гавани через пламя… Но никаких символов сдачи! Мы лишь отступаем перед превосходящими силами противника и намерены вернуться!

— Прошу простить государь, — поклонился легат. — Это было необдуманное предложение. Итак, увидев открытые ворота мятежники наверняка предпримут попытку проникнуть в Толозу, однако есть опасность что часть их сил будет направлена вдоль берега к речной гавани и в этом случае боя не избежать. Полагаю, на пространстве между городской стеной и причалами нам придется выставить от трехсот до пятисот панцирников в первом ряду и сотню лучников во втором, которые прикроют отход остальных, а затем быстро отступят на последнюю галеру…

— Уговорили, — согласился Конан и обвел всех присутствующих тяжелым взглядом. Такое впечатление, что я, Тотлант и Паллантид были виноваты в том, что королю пришлось принять столь неприятное решение. — Паллантид, собирай сотников, растолкуй им план… отхода. Дайте сигналы капитанам галер. Времени остается немного, надо все подготовить до наступления сумерек.

— Как будет угодно вашему величеству…

* * *

Нежелание обитателей Розового города покидать свои дома сыграло нам на руку. Расположившиеся в ратуши сотни Черных Драконов первыми начали покидать центр города, весь невеликий королевский скарб в виде походной казны, тубусов с важными бумагами и сундучка с принадлежащими мне и Конану личными вещами перевезли в кордегардию, расположенную в башне над Речными воротами. Туда же временно поместили и митрианских жрецов во главе с Бернартом — монахи были очень недовольны тем, что их отрывают от важного дела искоренения зломыслия, но когда уяснили, что армия короля собирается покинуть город, сразу замолчали.

Мастера осадных машин решили, что грузить их на корабли бессмысленно и трудно, посему с онагров лишь сняли дорогие металлические части и блоки, которые можно было захватить с собой — деревянные станины пришлось бросить.

Попутно означенные мастера вкупе с несколькими десятками гвардейцев нанесли визит на склад купца, торговавшего оливковым маслом и изъяли оттуда несколько бочонков. Из запасов гвардии были извлечены кувшины с «зингарским огнем» — жуткой смесью из черной земляной смолы, масла и порошка серы — этот состав горел даже в воде. Паллантид быстро определил какие здания и в какой последовательности следует поджечь, чтобы создать непреодолимую стену огня между Речными воротами и прочими городскими кварталами.

Владельцев домов со чадами и домочадцами выгнали на улицу, чтобы не допустить лишних жертв: десятники говорили всем, что «строения изымаются для людей короля», а Конан распорядился выдать из своей казны по пятьдесят кесариев каждому хозяину дома — чтоб не говорили потом о варварстве гвардейцев короны… Разумеется, это не добавило симпатий к нам со стороны Толозцев. Самых строптивых пришлось прогонять тупыми оконечьями пик.

Когда солнце уже касалось нижним своим краем Грани Мира все было готово. Король принял на себя командование и теперь сам занимался всеми делами, а я и Тотлант, понимая, что сейчас ничем не можем быть полезны, остались в надвратной башне, с верхнего этажа которой можно было наблюдать как за городом и рекой, так и за лагерем мятежников, в котором дымили костры — ужин, надо полагать, готовят…

— Ага, Конан расположил арбалетчиков на стене над гаванью, — ворчал волшебник, тоже неплохо разбирающийся в военном деле. Дженна, посмотри, наши корабли выбирают кормовые якоря, значит скоро начнется…

Восемь громадных боевых галер зингарской постройки, как я уже говорила, стояли на середине реки или ближе к противоположному берегу. Такие многовесельные суда с равным успехом могут действовать как на реках, так и в океане; когда Конан решил восстановить погубленный при Нумедидесе аквилонский флот, то долго не раздумывал, где именно заказать новые корабли — зингарцы были непревзойденными мореходами, да и королева Чабела благоволила своему старому приятелю, ставшему королем Аквилонии. Словом, нам следовало лишь сплавить вниз по Хороту отличный гандерландский лес, как нельзя более подходящий для строительства крупных кораблей, а уж на Золотом Побережье мастера Кордавы превратят грубые бревна в настоящие произведения искусства!

Конечно, для серьезной войны на море галеры совершенно не годились, но на внутренних реках Аквилонии представляли из себя грозную силу, способную как поддерживать сухопутное войско, так и с успехом бороться против речного пиратства.

— Обиднее всего то, что нам придется оставить в Толозе больше половины лошадей, — вздохнула я, наблюдая за спешными приготовлениями на палубах судов. Надеюсь, мятежники не обратят на эту суету никакого внимания и ничего не заподозрят. — Иначе мы просто не поместимся на кораблях. Для гвардии нет ничего хуже потери обученных лошадей.

— Самим бы ноги унести… Кстати, о лошадях. Дженна, что по-твоему происходит возле Восходных ворот?

Я послушно уставилась в бойницу. Действительно, на площади возле башни, смотрящей на обширное поле где расположились сотни взбунтовавшихся графов стояла наготове почти вся наша кавалерия. Боги, они же под королевским боевым штандартом! Что на этот раз задумал мой безумный супруг?

Прыгая через три ступеньки я едва ли не кубарем скатилась в кордегардию и сразу наткнулась на Конана, Паллантида и нескольких гвардейских командиров. Все при полном доспехе.

— Конан… — выдохнула я. — Что это значит? Почему конница подготовлена к бою?

— Не к бою, а к спешному отходу, — криво усмехнулся король. — Как только стемнеет, кавалерия уйдет на прорыв и отвлечет часть вражеских сил. Грузовые суда ждут нас у места впадение Арье в Хорот, так мы сможем избежать потери лошадей. И не смотри на меня такими глазами, дикарка! Мы не собираемся вступать в бой, постараемся уйти на галопе, а если Коменж и его дружки начнут преследование, постараемся оторваться. Ты останешься здесь, вместе с пехотой. Встретимся завтра, на реке…

— Ну знаешь! — воскликнула я. — Что для тебя дороже — лошади или человеческие жизни?

— Сейчас для меня дороже всего боеспособная гвардия. Кстати… Ты королева — тебе и поводья в руки. Паллантид, отступлением из Толозы пешего войска будет командовать ее величество Зенобия Аквилонская! Исполнять приказы королевы как мои собственные!

«Точно, спятил, — подумала я. — Или переусердствовал с молодым вином. Я, конечно, читала умные трактаты по военному искусству, но доселе никогда не командовала настоящим боем… Всем известно, что есть огромная разница между выкладками ученых мужей, описывающих подвиги полководцев минувших лет и настоящей жизнью, где кровь и смерть тоже настоящие.»

Я попыталась было что-то сказать, но Конан взглянул на меня так, что слова застряли в горле. Я отлично знаю этот взгляд. Он означает что любые препирательства бесполезны, а кто пренебрежет приказом короля — немедля отправится на свидание к хмурому дядьке в балахоне палача и с церемониальным мечом в руках. Кстати, случаи когда коронованный супруг избавлялся таким образом от верной спутницы жизни описаны в летописях, можете спросить у Халька Юсдаля, если не верите.

— Получается, что нам придется за два или три квадранса погрузить на галеры почти три тысячи человек: пеших гвардейцев, обозных, мастеров осадных машин, монахов брата Бернарта и охраняющих жрецов «Беркутов» из отряда тайной службы… — я развернулась к Паллантиду. — Легат, я надеюсь, вы успели разбить людей на восемь отрядов?

— Вот и замечательно, сразу взяла быка за рога, — фыркнул Конан. — Командуй, королевам полезно поучиться на собственном опыте. А я с вами прощаюсь до завтра.

С тем король в сопровождении сотников конницы и телохранителей из «Серебряных» покинул кордегардию речной башни.

— Ваше величество? — напомнил о себе Паллантид. — Для перевозки гвардии задействуем не восемь, а всего лишь шесть галер. По пятьсот человек на каждую. Будет тесновато, но это неважно… Еще два судна будут прикрывать отход — они встанут напротив гавани и подготовят катапульты, чтобы нанести удар по врагу, если таковой решит прорваться к пристаням и помешать нам.

— Разумно, — согласилась я. — Когда начинаем?

— Уже очень скоро. Посмотрите в окно, моя королева — темнеет. По нашему сигналу Драконы подожгут дома в соседнем квартале, затем конница покинет город и уйдет на Восход. К этому времени корабли уже подойдут к пристаням и встанут борт к борту по два. Тысячники и сотники уже знают, на какие галеры должны переправиться их подчиненные.

— Куда должна направиться я и свита?

— На флагман «Разъяренный Лев».

— Передайте его капитану, легат, что этот корабль уйдет после всех прочих. Я собираюсь покинуть Толозу последней, когда все гвардейцы отступят.

Паллантид посмотрел на меня странно, но противиться не посмел. Королевская воля, извольте видеть…

Ну а с Конаном я разберусь потом. Будет ему семейная сцена с битьем посуды! Это же надо — бросить любимую жену едва ли не посреди вражеского лагеря!

* * *

Осенние ночи в предгорьях прохладны и темны — едва догорели последние отсветы заката, Толозу накрыл купол почти непроницаемой мглы: на небе появились облака, скрывавшие звезды, а до восхода луны оставалось еще много времени.

В самом городе тоже почти не замечалось огней — ставни были плотно затворены, Толоза казалась вымершей. Мне сразу вспомнилась легенда, сочиненная Стефаном, Королем Историй, в которой повествовалось по мертвом городе, чьи обитатели погибли от неизвестной и безусловно смертельной болезни. Со стороны центральных кварталов не доносится ни единого звука, даже дворовые собаки-пустобрехи молчат.

Оживление наблюдалось только возле Речных ворот, где яблоку было негде упасть. Если вы думаете, что три тысячи человек — это не так уж и много, позвольте возразить: это очень много людей! Возьмите тридцать сотен самых мелких монеток, соберите в одну кучку и увидите, что я права. Кучка окажется не такой уж и маленькой…

Несколько лет назад Конан ввел в Аквилонской армии оригинальное новшество. Если в прежние времена важные сигналы подавались при помощи боевых труб, горнов или рогов (впрочем, сейчас эта традиция сохранена), то теперь гвардия начала пользоваться цветными фейерверками, очень распространенными в Кхитае и прочих странах за Вилайетом. Берется бамбуковая трубка, заполняется неким порошком, секрет которого кхитайцы хранят в строгой тайне, вставляется фитиль, который поджигается в нужный момент и тогда трубка извергает синие, красные или белые огненные звезды, поднимающиеся на высоту до

полусотни локтей.

Теперь при гвардейских мастерах, отвечающих за осадную технику, наведение переправ, подкопы и прочие ухищрения состоят несколько сигнальщиков, вооруженных такими вот фейерверками. Именно они и должны были оповестить наше славное воинство о начале… Нет, я не говорю слова «бегство». Я говорю о четко спланированном и организованном отступлении, которое даст возможность перегруппировать наши силы и нанести могучий ответный удар. Это, если выражаться в соответствии с традиционным языком, на котором пишутся трактаты по древнему искусству ведения войны.

Ф-фах! Я увидела как в небеса взлетела яркая белая звездочка с хлопком рассыпавшаяся на большой высоте на десятки серебристых искр. Сейчас наши галеры должны выбрать все оставшиеся якоря (такой тяжелый корабль обычно стоит сразу на четырех якорях) и направиться к пристаням. Остается лишь уповать на искусство капитанов, которые должны с ювелирной точностью подвести здоровенные галеры к берегу и выстроить их в соответствии с намеченным планом, попарно.

Спустя квадранс над городом появилась ярко-синяя звезда и почти тотчас я почувствовала запах дыма — гвардия подожгла прилегающие к Речным воротом кварталы, одновременно в десяти местах. Пламя распространялось с невероятной скоростью — в помещениях на первых этажах было разлито масло и «зингарский огонь».

— Ну вот, а ты жаловалась не темноту, — услышала я за своей спиной голос Тотланта. — Скоро здесь станет светло, как днем.

— Отцепись, — поморщилась я, наблюдая через бойницу за событиями разворачивающимися у Восходной башни. Ворота отворялись, грохотали цепи, на которых держался подъемный мост. Еще несколько мгновений — и загрохотали копыта лошадей, передовой отряд конницы вышел из города, за ним торопились остальные. Пусть им способствует удача!

В стане мятежников тоже наметилось оживление — затрубили рога, давая сигнал к бою, замелькали желтоватые точки факелов. Но сейчас я уже не могла отвлекаться: пожар в городе усиливался пламя медленно приближалось к нам, а со стороны реки поднялись к облакам сразу три огненные точки — красная и две синих. Это значило, что галеры успешно подошли к пристаням.

— Начинайте! — приказала я Паллантиду. Легат молча кивнул и моментально исчез. Тяжелый барбикен чуть вздрогнул, послышался скрип громадных деревянных механизмов, отпирающих городские ворота.

— Пойдем вниз, — Тотлант потянул меня за рукав колета Черных Драконов. Женщины в гвардии не служат, но на королеву это правило не распространяется. Посему я заблаговременно облачилась в форму Драконов со скромными нашивками сотника. Чтобы хоть как-то отличаться от прочих гвардейцев пришлось напялить тяжелую и неудобную цепь коронного ордена Большого Льва. — Дженна, ты меня слышишь?

— Слышу… Эй, вестовой!

На пороге образовался совсем молодой безусый гвардеец и замер в ожидании.

— Передай командиру арбалетчиков, вставших на стенах — отходить только после сигнала тремя белыми огнями, выпущенными с флагманского корабля! Бегом!

Вестовой вылетел из комнаты как камень из пращи, а я взглянула на грустного Тотланта:

— Надеюсь, магия Равновесия этой ночью будет на нашей стороне?

— Дженна, ты же отлично знаешь, что я сделаю все от меня зависящее! Но полагаться

только на магию бессмысленно… Идем отсюда!

Когда мы с Тотлантом спустились вниз и вышли на высокое крыльцо надвратной башни, я сумела оценить выучку гвардии короны — Драконы покидали город разбившись на сотни и десятки, никакой излишней спешки. При себе — только оружие и дневной запас еды в заплечном мешке, обоз мы бросили в городе (и, по предложению Паллантида тоже предали огню, чтобы врагу ничего не досталось).

— Ваше величество, три сотни щитников и сотня лучников выставлены на подходах к гавани Толозы и готовы к бою, — из оранжевой полутьмы вынырнул один из вестовых Паллантида. — Со стен сообщают, что наша кавалерия благополучно обошла вражеский лагерь и направилась к Хороту. За ними отправился отряд всадников, численность которого неизвестна — слишком темно, мы не смогли пересчитать…

— Дженна, мне это не нравится, — поежился Тотлант, глядя на прилегающие к площади здания. Пожар приближался и огню способствовал холодный ветер, налетевший с Полудня, со стороны гор. — Конечно, мы отрезали город от гавани сплошной стеной огня, но очень скоро здесь станет жарко, как в печке!

Волшебник был прав. Искры вовсю летели в сторону речных ворот, пламя ревело, будто взбешенный дракон.

— Если станет опасно, ты сможешь задержать распространение огня?

— Сет Великий! С таким пожарищем не справится даже Тот-Амон! Я ведь не Дух Природы, дождь вызывать не умею! Да и никакой дождь уже не поможет!

Мы ждали еще полный квадранс. Признаться, возле барбикена и впрямь становилось жарковато, я несколько раз стряхивала тлеющие головешки со своего колета. Занялись огнем примыкающие к Речной башне хозяйственные постройки.

— Уходим, моя королева! — на сей раз передо мной возник лично Паллантид вместе с полудюжиной телохранителей. — Часть пешего войска графа Коменжа вошла в город через распахнутые ворота, несколько сотен направились к гавани — успели рассмотреть, что происходит! Быстрее!

— Я же сказала, что уйду из города последней! Смотрите, сколько здесь еще людей!

Паллантид кивнул своим гвардейцам, а дальше началось нечто неописуемое и прямо подпадающее под строжайший закон об оскорблении величества. Шестеро широкоплечих громил в гвардейской форме набросились на свою государыню и мигом скрутили как куренка на рынке, попутно отобрав меч и кинжал.

Вообще-то я отнюдь не «слабая женщина» наподобие изнеженных дворцовых вертихвосток, при необходимости могу весьма чувствительно дать в зубы любому недоброжелателю, но эти наглецы действовали так слаженно и быстро, что я и пикнуть не успела.

Затем меня самым непозволительным образом взвалил на плечо самый здоровенный гвардеец (показалось, что он ростом и массивностью может соперничать с любым пещерным медведем, какие водятся в Граскаале) и бренное тело королевы отправилось в краткое путешествие к городским воротам. Причем Паллантид (вот скотина!) топал впереди и орал: «Раненый, раненый, пропустите!» Драконы, привыкшие к безусловному подчинению и строжайшей субординации расступались. Как я успела заметить, Тотлант топал позади, стараясь не отставать.

Я пришла в себя только на палубе «Разъяренного Льва» — меня аккуратно положили на выскобленные доски и развязали стянутые грубой веревкой руки и ноги. Вскочив, ее

королевское величество Зенобия Канах, урожденная Сольскель, была готова выцарапать глаза всем и каждому и первым в списке был Паллантид, с самым невозмутимым видом стоявший рядом.

— Можете приказать меня повесить, государыня, — ровно сказал легат, глядя в сторону пристани. — Уж как-нибудь перетерплю этот недостойный дворянина позор. Но вешать дозволяю только завтра, когда все кончится… Кроме того, я получил весьма недвусмысленный приказ его величества: оберегать королеву от опасности и любой ценой доставить оную к Хороту.

Ничего не скажу, я была разъярена ничуть не меньше, чем неизвестный лев, в честь которого назвали флагман королевского флота, но сдержалась: лишь сплюнула и не говоря ни слова осмотрелась. Все правильно, судно стоит борт в борт с другой галерой, причалившей к берегу. Меж кораблями перекинуты широкие доски, чтобы было удобнее перебираться с одного судно на другое. На палубах необычно много военных — значит, погрузка близка к завершению.

Я чуть вздрогнула, когда вдруг раздался знакомый звук — послышался сильный удар и свист летящих камней. В отсветах поднявшегося над Толозой зарева я увидела еще две аквилонские галеры и силуэты катапульт на их широких палубах.

— Наше счастье, что пехота мятежников набрана из кметов и плохо вооружена, — все так же спокойно заметил Паллантид. — Все атаки отбиты, Драконы отступают к гавани, равно как и арбалетчики. Когда они окажутся на кораблях, мы немедленно отойдем от берега. Кажется, план сработал и мы потеряли очень мало людей…

— Мало — это сколько? — ледяным тоном поинтересовалась я.

— От полусотни до сотни, пока никто не считал.

Как и следовало ожидать, теперь я не командовала, а только наблюдала. К легату подбегали десятники и сотники гвардии, что-то быстро говорили, он коротко отвечал… Я даже не поняла, когда именно были сброшены мостки и «Разъяренный Лев» начал медленно двигаться вперед. О черную воду реки Арье ударили десятки весел.

Вслед за нами от берега тяжело отвалили пять оставшихся кораблей.

— Осмелюсь доложить вашему величеству, что все Драконы покинули город, — услышала я слова Паллантида. — Перед самым рассветом мы выйдем к Хороту, где нас будет ожидать король Конан.

Я не ответила. Галера вышла на стремнину и теперь корабль шел вниз по реке подталкиваемый течением, а не только веслами. За кормой оставался огромный пологий холм, на котором расположился Розовый Город, древняя Толоза. Город, над которым сейчас мерцало багрово-оранжевое зарево чудовищного пожара.

— Паллантид, почему бы нам не выпить бокал вина? — сказала я, будучи не в состоянии оторвать взгляд от огненной короны, венчавшей город. — Думаю, что сейчас это необходимо не только королеве.

— Ваша свита, государыня, расположилась на второй палубе, — бесстрастно ответил легат. — Месьор Тотлант вас проводит. А у меня, уж простите, есть еще очень много дел…

Глава 3
ПЕРВЫЙ РАССКАЗ ТОТЛАНТА
«От Толозы до Тарантии»

7-12 дни третьей осенней луны 1296 г.
Полуденный Пуантен — Тарантия.

Никогда не устану проклинать тот день и час, когда судьба свела меня с неким патлатым варваром ныне известным под именем Конана Аквилонского из Канахов! Никогда, клянусь клыками Сета!

Между прочим, это знаменательное событие произошло почти ровно одиннадцать лет назад, в конце осени 1285 года. В те славные и безмятежные времена рассорившийся с верховными магами Черного Круга молодой волшебник покинул родной Луксур и поселился в отдаленном Пограничье, не без оснований надеясь на благочинную и привольную жизнь, которую можно будет без остатка посвятить совершенствованию знаний в области магии. Но не тут-то было!

Я не знаю, какой зловонный демон привел в заброшенную деревню Бринвелктон шайку отъявленных головорезов под предводительством сотника Эрхарда, но уверен, что этот демон занимает в иерархии Черной Бездны самое высокое положение. Иначе мое существование в этом бренном мире не превратилась бы в непрекращающуюся пытку, продолжающуюся уже… Ну да, верно — четыре с небольшим тысячи дней!

Как вы себе представляете мага? Самого обыкновенного мага или волшебника? Правильно, это должен быть степенный уважаемый человек, с ухоженной бородкой, умными глазами и посохом в руке. Обитает он в высокой башне, где расположена магическая лаборатория с кипящими колбами, пышущими огнем атанорами и чучелами монстров, подвешенными под потолком.

Ученики, конечно же, многочисленные слуги, грозная охрана набранная из чернокожих обитателей далекого Пунта. Набитая золотом и цветными камнями сокровищница, как обязательный атрибут любой «башни мага». Любовница, наконец!

Думаете, все это у меня есть? Ошибаетесь!

Не спорю, в Вольфгарде, где я вроде бы как живу, придворному магу короля Пограничья предоставили вполне удобные (и даже ничуть не сырые) комнаты в новом королевском замке, там я храню библиотеку и пытаюсь заниматься магией в те дни, когда надо мною не довлеет проклятие по имени «Конан»… Впрочем, проклятие сие многоголово как легендарная гидра и ее головы имеют не только облик всем известного киммерийца. Вторую голову зовут «Эртель», Третью «Веллан», четвертую «Эрхард» — могу долго перечислять, читать устанете!

Но если я и владею тремя тесноватыми помещениями в замке короны, то ни сокровищницы, ни стражи, ни чучел крокодилов, ни тем более любовниц вы там не обнаружите. Почему? Да потому, что дома я бываю от силы по две или три луны в год, а все остальное время ношусь сломя голову по городам и весям Закатного материка, вытаскивая старых приятелей из многоразличных неприятностей, коим несть числа и названия.

После знакомства с Конаном и разудалыми оборотнями я успел последовательно

влипнуть в огромное количество самых кошмарных историй, большая часть которых могла загнать меня в гроб задолго до положенного срока. Бешеные оборотни, Зеленый огонь, чудовища и страшилища, едва ли не ежедневно попадающиеся у меня на пути, война Алого Камня, война с Кофом (помните историю с колдуном Тсота-Ланти?), и так далее до бесконечности! Как только Конан Канах (да поразит проказа его самого и его потомство до семьдесят седьмого колена!) вновь оказывается «в затруднительном положении» он вспоминает о старине Тотланте, каковой обязан высунув язык мчаться ему на помощь…

Причем слова «затруднительное положение» могут означать все, что угодно — от вселенской катастрофы наподобие знаменитой «Полуночной Грозы», отгремевшей восемь лет тому, до появления в замке Тарантии пакостного, но по большому счету вполне безобидного привидения всего лишь пугающего придворных дам и благородных девиц неблагообразным видом и дурными воплями по ночам.

Я успел исколесить все страны Заката от Пущи Пиктов и Ванских Островов до Турана и Гиркании. Побывал почти во всех Черных Королевствах, в Иранистане, Вендии, Кхитае. Про Гиперборею или Ванахейм и говорить нечего — я там чувствую себя как дома, а попрошайки на улицах Халоги уже узнают меня в лицо. Клянусь пирамидами Птейона, ни единый из знаменитых путешественников, заработавших безумные деньги своими рассказами о дальних странах не преодолели и одной десятой части тех дорог, на которых пришлось побывать скромному придворному волшебнику, сдуру поступившему на службу к владыке захудалого Пограничья! Ну а про всяко-разные «чудесные приключения» я вообще предпочту не говорить — рядом с тем, что довелось мне пережить, самые жуткие россказни Стефана Короля Историй покажутся невинными сказочками, которые следует читать на ночь маленьким детям.

Вот и сейчас бедолага Тотлант оказался крайним. Полагаю, что с мятежом фатаренов и распространением еретического вероучения Конан вкупе с митрианскими жрецами справились бы самостоятельно, но вот разбираться с доселе никому неизвестным магическим конклавом Черного Солнца придется мне. Точнее — нам. А еще точнее — магам ордена Равновесия, созданного всего несколько лет назад.

Не скажу, что наш орден многочислен, богат и влиятелен. Рядом с таким монстрами как конклавы Черного Круга, Золотого Лотоса или Белой Руки мы просто детишки. Однако, Равновесие имеет свои сильные стороны — признавая существование Тьмы и Света но не следуя им, мы смогли прорваться в новые, доселе неизвестные области магии. Известна аксиома, согласно которой Черное и Белое при смешении не образуют серого — в действительности же сочетание Великих Красок создает радужный спектр, увидеть всю красоту которого способны только маги-равновесники.

Главой конклава мы избрали самого старшего и опытного — Валента из Мессантии. Именно он, кстати, первым осознал угрозу, исходящую от Черного Солнца, польстившегося на утерянную магию Ахерона и предложил помощь нашего ордена королям Аквилонии и Немедии. И теперь, ввязавшись в драку, мы не можем сложить оружие.

Вы спросите: чего такого страшного в новом колдовском конклаве? Разве он может соперничать, например, с могучим Черным Кругом Стигии или такими знаменитостями как Тот-Амон или Пелиас? Не спорю, мой прежний учитель, Тот-Амон из Птейона раздавит десяток фатаренских колдунов одним пальцем, но проблема кроется вовсе не в силе, коей обладают маги Черного Солнца, а в том, что они совершенно неразборчивы в средствах и суют свой нос туда, куда его совать решительно не следует.

Напомню, что все ныне существующие магические школы появились уже после падения Кхарийской империи, большая часть знаний Ахерона оказалась (к счастью!) утеряна, а то, что сохранилось почти не представляло интереса. Кхарийцы погубили сами себя, проникнув в тайны Черной Бездны, прикасаться к которым не решаются ни мои сородичи-стигийцы во главе с Тот-Амоном, ни гиперборейские колдуны. Лихие опыты подданных Пурпурнобашенного Пифона закончились плачевно — природа не вынесла столь невероятного надругательства над собой, мир переполнился магией и она неожиданно вышла из-под контроля кхарийцев.

…Это была уже не обыкновенная Буря Перемен, какие изредка случаются в результате недосмотра или злого умысла некоторых магов. Закатный Материк оказался накрыт ужасающим по своей силе колдовским штормом, бушевавшем несколько лет подряд. Взбесившееся бесконтрольное колдовство уничтожало города и провинции, порождало к жизни совсем уж невиданных чудовищ, открывались врата в мир духов, откуда вылезали такие мерзопакостные демоны, что и подумать страшно.

Происходили невероятные искажения пространства, тварной материи и времени, волны магии, подобно морскому прибою, уничтожающему песчаные домики на пляже, стирали с лица земли селения и храмы, люди сходили с ума или просто-напросто исчезали из нашей Сферы, перемещенные магией в такие места, о которых лучше не говорить перед наступлением ночи. Бесчинствовали вышедшие из подчинения кхарийцев монстры, которые, вдобавок еще и скрещивались меж собой, давая потомство, являвшее собой абсолютно непредсказуемых и невиданных зверюг… Описать все случившееся обычными словами невозможно, сохранились лишь смутные свидетельства. И виновниками катастрофы являлись именно колдуны, уверовавшие в призрак своего всемогущества.

Благодаря учению пророка Мэниха, принятого фатаренами, маги Черного Солнца тоже решили, что им все позволено и на пути к новым или утерянным знаниям не должно стоять никаких преград. Их целью стала магия ради магии. Однако, этот постулат мог привести к гибели если не всего живого в подлунном мире, то по крайней мере большей части всех ныне живущих.

Почему? А вот почему: мы, Равновесники, раскопали чудом уцелевшие сведения о том, что грандиозная Буря Перемен уничтожившая Кхарию прекратилась отнюдь не сама собой. Скорее всего, уцелевшие колдуны Пифона смогли ее неким неизвестным образом «связать», приостановить. Обряд по нашим предположениям был совершен в знаменитом Пиррофлагалоне, гигантском городе-храме Кхарийцев. Валент вполне справедливо полагал, что в развалинах Пиррофлагалона может скрываться нечто столь опасное, что все связанные с магией неприятности последней тысячи лет покажутся несущественными и мелкими частностями.

Словом, ключ от бездны хранился именно в городе-храме, ныне покоящимся под толстым слоем земли. И ключ мог оказаться в руках Черного Солнца — эти ненормальные решили, что отыщут на развалинах артефакты, которые даруют их ордену новые знания и могущество.

Вожди фатаренов слишком поздно осознали, сколь серьезную опасность представляет взращенный ими конклав — вышедшие из подчинения маги стали опасны для бывших хозяев. И тогда один из предводителей секты предложил королю Конану сделку: фатарены оставляют в покое Аквилонию, а взамен Конан берется уничтожить Черное Солнце. Как это сделать? Очень просто: накрыть всю шайку скопом прямиком в Пиррофлагалоне в день

зимнего солнцеворота, когда колдуны соберутся на развалинах города-храма для проведения некоего обряда.

Конан согласился, но поскольку в магии киммериец вообще не разбирался и предпочитал с таковой не связываться, дело было поручено Ордену Равновесия и тайной службе Аквилонии. Подготовку к решающему сражению сейчас вели оставшиеся в Тарантии Арбогаст Бритунийский вместе с Фритигерном из Кофа — молодые, но подающие серьезные надежды Алые маги.

Я и Валент должны были присоединиться к ним в ближайшее время, но Валент застрял в Коринфии, а вашему покорнейшему и нижайшему слуге пришлось поучаствовать в провальной авантюре не раз упомянутого здесь Конана Аквилонского — я имею в виду неудачную военную экспедицию в графство Толозы, что на самом Полудне Пуантена…

* * *

Когда я подошел к королевскому шатру, стало ясно, что там царит безудержное веселье. Вот интересно, какой повод они нашли на этот раз? За тридцать шагов было слышно, как его величество вкупе с приближенными разудало горланит:

Хорошо сидеть в трактире.
А во всем остатнем мире –
Скука, злоба и нужда.
Нам такая жизнь чужда.
Задают вопрос иные:
«Чем вам нравятся пивные?»
Что ж! О пользе кабаков
Расскажу без дураков…

Само собой бренчит виолон или лютня. Узнаю манеру исполнения — Веллан играет плохо, предпочитая что есть сил бить по струнам, чтобы получалось громче, а не красивее. И он же явно пытается переорать короля с его луженой киммерийской глоткой.

Собрались в трактире гости.
Этот пьет, тот — жарит в кости.
Этот — глянь — продулся в пух,
У того — кошель разбух,
Всё зависит от удачи!
Как же может быть иначе?!
Потому что нет средь нас
Лихоимцев и пролаз.
Ах, ни капельки, поверьте,
Нам не выпить после смерти,
И звучит наш первый тост:
«Эй! Хватай-ка жизнь за хвост!..»

У Драконов стоящих на страже у входа в шатер лица каменные, будто у големов. Если государь изволит отдыхать и веселиться, так это его личное королевское дело, а в задачи гвардии входит бдеть, охранять и не пущать. Время-то неспокойное, война идет.

Меня Драконы из Серебряной сотни знали в лицо и помнили строжайшее распоряжения короля: месьора Тотланта Луксурского допускать к ихнему величеству в любое время дня и ночи, поскольку таковой Тотлант ныне есть первый советник Высокой Короны по вопросам магии.

Я кивнул неподвижным гвардейцам, откинул полог и вошел.

Пьет народ мужской и женский,
Городской и деревенский,
Пьют глупцы и мудрецы,
Пьют транжиры и скупцы,
Пьют скопцы и пьют гуляки,
Миротворцы и вояки,
Бедняки и богачи,
Пьют больные и врачи!

Все понятно. Конан сотоварищи топят горе в вине. Собралась вся теплая компания за исключением Зенобии — королева предпочитает не участвовать в подобных оргиях. Кроме самого государя я узрел Паллантида (странно, выглядит трезвым…), графа Люксэ, троих малознакомых гвардейских капитанов и, разумеется, неотвязного Веллана — он ведь у нас теперь «герцог», извольте видеть. Правда, сей высокий титул дарован этому разгильдяю и пьянчуге королем Пограничья, что моментально сей титул обесценивает. Сами посудите, ну какие у нас в Пограничье «герцоги»? Хоть на куски меня режьте, я уверен — Эрхард попросту подшутил как над Велланом, так и над любимым племянничком и наследником Эртелем. Из них обоих такие же герцоги, как из Конана — митрианский монах…

— Тотлант, давай к нам! — заорал Веллан, не переставая терзать лютню. — Эй, налейте чашу королевскому магу!

Пьют бродяги, пьют вельможи,
Люди всех оттенков кожи,
Слуги пьют и господа,
Села пьют и города.
Пьет безусый, пьет усатый,
Лысый пьет и волосатый,
Пьет вагант, и пьет декан,
Карлик пьет и великан!

Меня моментально снабдили вместительным серебряным бокалом с котором плескалось терпкое красное, кто-то из военных подвинул ко мне походный складной стульчик из деревянных реек. Густо пахло вином, дымом, сапогами и плохо прожаренным мясом.

Я присел и уставился в костер, разожженный в центре шатра — дым выходил через

широкое отверстие в потолке. Споров нет, я тоже было бы ничуть не против как следует отдохнуть после минувшей ночи и не менее напряженного дня, но столь буйный разгул считаю решительно неуместным.

…Наши боевые галеры достигли устья реки Арье на рассвете. Паллантид распорядился высадить гвардию на противоположном берегу Хорота, где простирались равнины Великого Герцогства Шамарского и там дожидаться короля. Сам король, как выяснилось позже, благополучно ушел от погони и не потеряв ни одного человека успел погрузить кавалерию на грузовые корабли дожидавшиеся на Хороте и прибыл на место сбора после полудня.

Места здесь были пустынные, в округе насчитывалось всего три деревни, населенные вольными замлепашцами — на десятки лиг окрест тянулась степь с редкими перелесками. До Айглоса, ближайшего крупного города, оставалось два конных перехода, а потому туда немедля отправились гонцы — за фуражом и пропитанием — Конан намеревался устроить временный укрепленный лагерь именно на левобережье. Во-первых, противник не сможет подобраться к нам незаметно (в степь отправились дозоры), во-вторых, подкрепления с Полуночи и Заката могут быть перевезены по рекам, что существенно снизит возможность внезапного нападения со стороны мятежников как со стороны немедийской границы, так и Полуденного Пуантена.

Если вы не знаете, как выглядит настоящий укрепленный лагерь Аквилонского войска, то я могу вкратце объяснить. По большому счету но является небольшой, но почти неприступной крепостью которую можно возвести хоть в чистом поле, хоть среди лесных чащоб. Обширное четырехугольное пространство обносится валом и рвом, по углам ставятся деревянные башни, потом добавляется частокол, устанавливаются катапульты. Внутри крепости в идеальном порядке ставят ряды шатров, в центре лагеря располагается палатка командующего, митрианский алтарь или изображения иных богов, традиционных для Аквилонии.

За долгие годы военного опыта было выяснено, что при наличии соответствующих припасов такой лагерь может сдерживать атаки противника сколь угодно долго — известна история о том, что во времена Сигиберта Завоевателя полностью окруженный немедийцами легион Трона Льва держался ровно сто дней, пока осада не была снята. Не знаю, правда это или нет (летописцы всегда склонны использовать красивые круглые числа), но если бы осада длилась не столь долго, эти сведения никогда не попали бы в исторические хроники как не заслуживающие внимания.

Но где взять дерево среди степи? Очень просто! Аквилония всегда славилась своей торговлей лесом, сплав проходил как раз по Хороту и Красной реке, а потому Конан приказал военным кораблям перехватить несколько караванов сплавщиков (и, разумеется, заплатить за дерево добрым подданным Аквилонии), а бревна использовать для строительства. Гвардия, не слишком привычная к черной работе, слегка поворчала, но потом Черные Драконы засучили рукава и принялись за дело — все понимали, что от скорейшего возведения лагеря зависят их жизни. Никто не хотел воевать с метаципленариями среди голой равнины.

Кстати, о метаципленариях. Первый же дозорный разъезд отправленный еще с утра на разведку местности ближе к закату приволок к берегу Хорота мертвую птицу:

схваченный прочными веревками за лапы труп пернатого монстра тащили сразу три лошади — птичка оказалась тяжеленькой.

Оказалось, что гвардейцы наткнулись на дохлого монстра отъехав лиг на восемь к Восходу. Позвали меня — осмотреть тело.

Взглянуть на птицу собрались едва не полтысячи гвардейцев, я с трудом протолкался к середине круга. В общем, метацилленарий оказался именно таким, каким я его себе представлял: голова размером с теленка, матово-черный клюв, наверняка способный перекусить толстый ствол вековой сосны, жилистые лапищи, острейшие когти-сабли…

— Птицу убили хозяева, — сказал я явившемуся на место событий Паллантиду, после внимательно исследования туши. — Вот, взгляните: удар чем-то вроде тонкого эстока или шомпола был нанесен в глазницу, над веком, но глаз тем не менее не вытек. Били грамотно, так чтобы поразить мозг. Птица умерла сразу, без мучений…

— Но зачем? — вздернул брови Паллантид. — Зачем убивать такую… такое полезное существо?

Я заметил, что легат смотрит на чудище с восхищением. Он моментально понял, какие преимущества перед противником могут дать эти огромные несуразные твари.

Военный, что с него возьмешь! Если бы выяснилось, что обычная домашняя мышь способна радикально переломить ход войны, Паллантид сам взялся бы за обучение серых хвостатых вредителей боевому искусству! Всегда удивлялся, насколько приспособлен разум любых вояк к тому, чтобы использовать для убиения ближнего и дальнего своего любые средства попавшиеся на глаза! Убежден — сейчас Паллантид прикидывает, где бы достать хотя бы десяток-другой метацилленариев…

— Тварь сломала ногу, — я указал Паллантиду на вывернутую голень птицы. — Наверное, попала лапой в яму, кость сломалась пот тяжестью туловища…

— В яму, значит? — пожевал губами Паллантид и внезапно потерял к птице интерес. — Эй, кто притащил сюда эту падаль? Десятник, возьми своих орлов, сбросьте труп в реку, чтоб унесло течением! Нечего в лагере тухлятину разводить…

С тем легат развернулся и ушел. Метацилленария не без труда отволокли к берегу Хорота и сбросили в воду. Десятник дозора отправился к легату — рассказывать где нашел труп и какие еще следы обнаружились. А я понял, что противник находится не настолько уж и далеко — если труп найден всего в восьми лигах от реки, значит на левобережье Хорота рыщут отряды врага, явившиеся в Аквилонию со стороны Полуденной Немедии и Коринфии.

Триста лет назад границы между Троном Льва и Немедийским королевством проходила по Тайбору и Хороту, но великий государь Сигиберт в ходе блестяще осуществленной кампании отбил Заречье, причем разделены эти земли были напополам. Вторую половину Сигиберт «подарил» Офиру за вспомоществование — офирцы, уяснив, что лучше иметь могучего союзника в лице Сигиберта, а не поддерживать хрупкое равновесие между двумя соседними державами, передали королю Аквилонии достаточно золота для ведения войны, а взамен получили обширные владения на закатном берегу Красной реки.

Немедия вплоть до нынешнего года не оставляла надежд на возвращение потерянных провинций, из-за них начались аж три войны. Причем на Офир владыки Драконьего Трона не нападали, зная, что в этом случае получат войну со всем Закатом — ни одна держава, от

Зингары до Кофа, не потерпела бы владычества Немедии над неисчерпаемыми золотыми рудниками обычно нейтрального Офира, который частенько именовали «Казной Заката».

Сейчас, после открытого объявления войны со стороны фатаренов, Конан и Нимед II забыли старые распри, заключили договор о «вечном союзе (знаем мы, как долго длится подобная «вечность» в политике, учены…) и спорные земли навсегда отошли к Аквилонии. Но фатаренам наплевать на союзы, договоры и границы — они считают, что их владения распространились на весь Полдень, от Рабиров до отдаленных рубежей Заморийского Протектората.

Не забудьте, что главнейший торговый путь Заката, Дорога Королей, проходит именно по этим землям. Полностью согласен с теми мудрецами, которые говорят о том, что никакая политика и никакая вера в богов не превзойдут по могуществу блеск золотых монет…

> От размышлений меня оторвал завершающий вопль Веллана:
> Пьет графиня, пьет и шлюха,
> Пьет столетняя старуха,
> Колченогий старый дед, –
> Словом, пьет весь белый свет!
> Всё пропьем мы без остатка.
> Горек хмель, а пьется сладко.
> Сладко горькое питье!
> Горько постное житье…
> На лютне порвалось сразу две струны и неблагозвучный хор замолчал. Конан взглянул на меня мальчишескими голубыми глазами и я понял, что хмель на короля сегодня не действует. Он лишь пытается показаться пьяным и веселым. На самом же деле киммерийца одолевают те же нехорошие мысли, что и меня…

— Вот, что Тотлант, — сказал король обращаясь ко мне. — Завтра утром отправишься в Тарантию. Не один, конечно, и не на лошади. «Золотая башня» возьмет на борт тебя, Зенобию и раненых. Когда прибудешь в город, сразу отправляйся к барону Гленнору, он скажет, что нужно делать. Сейчас ты нужнее в столице, чем здесь.

Понятно. «Золотая башня» — это личный королевский неф, подаренный Владычицей Моря и Суши, королевой Чабелой на годовщину коронации Конана. Отличное судно, исключительно быстроходное.

— Таким образом получается, что при войске не останется ни одного мага? — сказал я в ответ. — Не забудь, мятежники пользуются услугами Черного Солнца, а шутить с этими колдунами совершенно не следует!

— Попробую вызвать к нам Валента, — проворчал король. — Все равно в Коринфии ему сейчас делать нечего, и так каждому ясно, что именно происходит. Весь Полдень бурлит, как кипящий котел со смолой… Мы тут с Паллантидом подумали и решили: нужно объединить армии Заката. По крайней мере, нашу и немедийскую. Почтовый сокол уже отправился в Бельверус, к королю Нимеду.

— Собираешься прокатиться по землям Полудня стальной лавной? — невесело усмехнулся я. — Боюсь, повторить подвиги Сигиберта, чьи легионы стояли на берегах Вилайета у тебя не получится, обстановку совершенно другая. Фатаренская зараза проникла

в умы дворян и простецов, торговцев и людей ремесла. Нельзя воевать с народом, бессмысленно.

— С кем и как воевать я сам разберусь, — раздраженно огрызнулся варвар. — Хватит болтать, други, пора действовать. Веллан?

— Чего?

— Ты, дурень белобрысый, поедешь с Тотлантом. Глаз с него не спускать! Чтоб ни один волос с головы Тотланта не упал!

Велл критически осмотрел мою обритую голову (не могу изменить старым привычкам!) и надулся — ему очень хотелось остаться при королевской армии и всласть помахать клинком когда случай приведется. Охранять мага, который способен сам за себя постоять? Вот еще глупости!

— Поедешь, поедешь, — повторил Конан, заметив гримасу недовольства на физиономии оборотня. — Ты, в конце концов, подданный Пограничья, да еще и герцог… Что я скажу Эрхарду, если вашу светлость ненароком зашибут?

— Надо еще посмотреть, кто кого зашибет, — пробурчал Веллан. — Я, между прочим, посланник от одной монаршей особы, к другой. То есть должен находиться при персоне твоего величества.

— Заткнись. Я буду заниматься исключительно войной, а управление Аквилонией… — Конан вытащил из поясной сумочки свиток, — управление Аквилонией я возлагаю на нашу царственную супругу Зенобию Канах и Малый королевский совет.

(Напомню, что совет этот состоит из весьма ограниченного круга людей всецело преданных Конану — барона Гленнора, Публио, Просперо Пуантенского и еще нескольких вельмож. Сейчас, волей случая, в него вхожу и я, Тотлант Луксурский…)

— Дженна справится, — согласился я. — Государством, по большому счету, управлять не сложнее, чем торговым домом ее батюшки-купца, все то же самое, только масштабы побольше. Я, тогда, пойду? Если отплываем на рассвете, надо выспаться.

— Топай. Если случится нечто… гм… неожиданное, используй почтовый портал для пересылки писем. Не мне тебя учить.

Я слегка поежился. Слово «неожиданность» на языке Конана обозначало катастрофу, сравнимую с падением новой Небесной Горы.

…На следующее утро мы благополучно погрузились на «Золотую Башню», неф поднял паруса и медленно двинулся вверх по течению полноводного Хорота. Через четыре дня судно должно было пристать в речной гавани Аквилонской столицы.

* * *

Не буду спорить — Конан выбрал себе отличную подругу жизни. Дженна всегда была хваткой девицей, а теперь, когда в ее руках оказалось весьма впечатляющее хозяйство под названием «Аквилония» приложила всю свою энергию к тому, чтобы эти владения процветали. Впрочем, о каком процветании может идти речь в эти дни?..

Мы прибыли в Тарантию поздно вечером. Разумеется, королевский неф никто не встречал, гвардейского караула на пристанях не наблюдалось, флаги не поднимали и в

буцины не трубили. Только разглядев над мачтами «Золотой башни» малый коронный штандарт нам дали разрешение ошвартоваться — прибывшие в сумерках корабли обычно дожидались утра на речном рейде, поскольку в темноте подходить к пристаням было опасно.

Моментально началась изрядная суета — раненых при отходе из Толозы гвардейцев следовало переправить в лечебницы при Обители Мудрости (а это на противоположном берегу реки), во дворец отправили гонца, вызвать охрану и привести лошадей — не пешком же идти королеве в собственный замок?

Дома мы оказались ближе к полуночи — въехали через боковые ворота. Я сразу отправился в библиотеку — за отсутствием Халька сейчас за ней приглядывал мэтр Эйвинд. Да-да, тот самый увалень из деревни Райта, первой оказавшейся под ударом Зеленого Огня — Эйвинд нашел вкус в чтении, ухитрился закончить курс философии в Обители Мудрости и теперь являлся вторым королевским летописцем и библиотекарем.

Едва я успел переодеться (большая часть вещей привезенных мною из Пограничья хранилась в комнатах Халька), как дверь распахнулась и передо мной возник один из королевских лакеев — судя по ширине плеч и внимательному взгляду этот парень носил лакейские облачения только для виду, а на самом деле работал на Латерану.

— Просят пожаловать в Белую гостиную, — сообщил детина. — Поспешайте, ваша милость.

— Ночь на дворе, а им все неймется, — проворчал я, застегивая пояс. — Нет, чтобы отложить дела до рассвета! Можешь идти, я знаю дорогу.

Облачившись в чистую орденскую хламиду ярко-алого цвета я вышел в коридор, повернул налево, к парадной лестнице и вскоре оказался на втором этаже Закатного крыла замка, где располагались личные покои короля. Гвардейской стражи не слишком много, военных на постах не больше обычного. Зато при каждом карауле отирается неприметная личность в одежде дворцового слуги — тихарь тайной службы. Все правильно, так и должно быть: времена нынче далеко не самые спокойные, а случаи, когда некоторых государей убивали прямо в спальне, происходили гораздо чаще, чем можно предположить.

В Белой гостиной ничего не меняется на протяжении всего царствования Конана: та же мебель, обтянутая серебристо-жемчужной тканью, мраморный фонтанчик с золотыми рыбками, мозаики на стенах… В комнате я обнаружил только одного человека и таковым, разумеется, являлся вездесущий барон Данкварт Гленнор.

— Рад видеть тебя в добром здравии, Тотлант, — представительный старикан, непревзойденный мастер интриги и тайных игр слегка поклонился. — Зенобия сейчас придет, я послал за королевой человека. А вскоре прибудет еще один гость — вы знакомы, это Рэльгонн из Рудны. Разговор предстоит долгий и весьма неприятный. Что же ты стоишь? Присаживайся, вино и фрукты на столе.

— Как вы узнали, что королева вернулась в столицу?

— Ничего сложного, мой дорогой Тотлант. Поднимающуюся вверх по Хороту «Золотую башню» заметили задолго до того, как она подошла к Тарантии, известили меня почтовым голубем. Я счел необходимым покинуть Латерану и встретить вас в замке.

Явилась Зенобия, причем не одна, а в сопровождении своей новой фаворитки — графини Аньес, еще совсем недавно являвшейся обычнейшей маркитанткой при гарнизоне королевской гвардии в Толозе. После начала осады цитадели эта решительная дева в одиночку преодолела половину страны не вылезая из седла и принесла весть о мятеже в Тарантию, за что Конан немедленно навесил ей орден «Диск Митры» и даровал графский

титул. Дженна моментально нашла с Аньес общий язык и приблизила к трону.

Гленнор посмотрел на новоиспеченную графиню неодобрительно, но потом только рукой махнул — Аньес и так была посвящена в большинство секретов этой истории.

— Наворотили мы дел, ничего не скажешь… — сказал барон, когда все расселись. Сам Гленнор прохаживался по Белой гостиной заложив руки за спину. — Это относится и к его величеству королю, и к моему тихому ведомству и к Хальку Юсдалю сотоварищи, которые за несколько дней подняли на уши всю Коринфию. Про безумные выходки Юсдаля, графа Кертиса и Валента я еще расскажу. А сейчас, ваше величество, я хотел бы выслушать рассказ о событиях в Толозе и…

Гленнор запнулся на полуслове — в комнате мелькнула бледная вспышка и в дальнем углу из пустоты появилась закутанная в черный плащ фигура, принадлежавшая досточтимому месьору Рэльгонну, упырю из замка Рудна, что в Бритунии.

— Хочу пожелать всем доброго вечера, — каттакан отбросил капюшон, явив лысую голову с огромными желтыми глазищами без зрачков. Улыбнулся, показав все свои зубы. — Надеюсь, не помешал?

— Мы вас ждали, — кивнул Гленнор. — Вина? Красного, белого?

— Отчего же, не откажусь… — упырь подошел к столу, самым церемонным образом чмокнул ручку Дженне и Аньес (каттаканы очень привержены старомодным традициям этикета) и непринужденно уселся на свободный стул рядом с королевой.

— Вы к нам из Коринфии? — поинтересовался барон.

— Нет. В гости к милейшему Хальку и его друзьям я пока не заглядывал. Решил сразу отправиться в Тарантию, раз уж дело настолько спешное.

— Спешное… — эхом отозвался Гленнор. — Итак, дамы и месьоры, давайте по порядку. Сначала выслушаем историю Дженны, потом я расскажу о поражении наших легионов в Заречье, а уж затем Рэльгонн объяснит, что происходит в Коринфии, куда он наведывается еженощно.

Рассказывать пришлось одновременно и мне, и Зенобии, и графине Аньес, которая была весьма наблюдательной и умной девушкой, приметившей некоторые детали, ускользнувшие от нас.

— В целом, картина достаточно ясна, — сказал барон Гленнор, выслушав. — Зря я тогда позволил королю поверить Паллантиду — легат утверждал, что его план идеален. Следовало дождаться полного отчета тайной службы о силах и возможностях мятежников, в этом случае такие серьезные ошибки Конан бы не допустил. Ничего не скажу — печально. И печальнее всего не потери, оказавшиеся не столь уж и фатальными, а сам факт отступления с земель взбунтовавшихся графов. Они показали, что и на стороне фатаренов есть сила. Причем эта сила способна заставить короля Аквилонии сдать уже завоеванные позиции.

— Нем нужны деньги, — хмуро отозвалась Зенобия. — Много денег. Конан сказал мен, что речь может зайти о создании армии наемников, наподобие той, что воевала на Черной Реке во времена Зогар Сага.

— Деньги? — вздернул брови Гленнор. — Для этого у нас есть канцлер Публио. Судя по той сумме, которую он украл из казны за последний год, золота в Аквилонии пока хватает. Не понимаю, почему Конан настрого запретил мне не трогать Публио и закрывать глаза на его закулисные делишки — в любой нормальной стране вор столь высокого полета давно оказался бы на эшафоте.

— Тут вы ошибаетесь, господин барон, — рассмеялся вдруг упырь, доселе в разговор не

встревавший. — дела денежные сродни делам военным — всегда в запасе должен оставаться резерв. Насколько я понимаю, Латерана учитывает каждый золотой, ушедший из сокровищницы короля в карман его светлости Публио?

— У меня целый шкаф забит бумагами, красочно повествующими о его проделках, — скривился Гленнор. — На три десятка смертных казней хватит, все доказательства, показания свидетелей и соучастников…

— Сколько Публио ворует за год? — продолжал настаивать Рэльгонн.

— Когда как. Сейчас его состояние оценивается в девять с половиной «сфинксов». Не считая земельных владений, замков и дворцов.

— Что-о? — вытаращилась Зенобия и я отлично понял ее чувства. Девять с половиной «сфинксов» — сумма не просто умопомрачительная, а гигантская! Фантастическая!

«Сфинкс» — это установленная Золотой Палатой королевства Офир мера веса золота, соответствующая тысяче офирских талантов, а каждый таковой талант в свою очередь равняется сотне денариев Ианты — самых полновесных и дорогих монет Заката. Теперь можете сами посчитать, на какую сумму Публио нагрел казну родимого королевства за восемь лет своего канцлерства.

Замечу, что сей прохвост получил третий по значимости титул в стране будучи нищим в самом буквальном смысле этого слова — его еще при короле Вилере с позором выгнали из государственного казначейства за воровство, проскрибировали все замки и владения и сослали в отдаленный Танасул, доживать свои дни на нищенские подачки из столицы…

Публио, конечно, гений. Самый наигениальнейший гений — этот человек способен создавать золото из глины и навоза ничуть не хуже любого алхимика. Конан недаром назначил его канцлером — после правления Нумедидеса и его клики, разграбившей страну, Публио сумел за полгода наполнить казну, вернул былую репутацию аквилонскому золотому кесарию, восстановил находившуюся в упадке торговлю, а затем вновь обратился к любимому увлечению — наглому воровству. Ибо не воровать Публио не мог.

Не только барон Гленнор гадал, почему король долгие годы не обращает внимания на то, что Публио беззастенчиво запускает лапу в сокровищницу короны и тащит оттуда все, что не прибито гвоздями. Девять с лишним «сфинксов» — это знаете ли, не шутка — другой бы на месте железного канцлера давно встретился бы с палачом. Но Конан отдал приказ тайной службе не обращать на него никакого внимания, а только собирать бумаги, которые однажды смогут пригодиться королевскому обвинению.

Многие полагали, что король исключительно высоко ценит канцлера только за его выдающиеся качества — все-таки при Публио казна никогда не бывала пустой, денег хватало на все необходимые расходы, налоги не повышались… Но сейчас Рэльгонн, как мне подсказывает чутье, сумел объяснить, истинную причину поведения киммерийца!

За одиннадцать лет знакомства я убедился, что Конан отнюдь не дурак. Скажу больше: говорить, читать и писать на нескольких языках может научиться кто угодно (да хоть меня возьмите…), но истинно варварского ума, изощренного и гибкого, людям цивилизованным боги не даровали. А вот Конан владеет им в полной мере и хитрости нашему варвару не занимать.

Ну конечно же! Состояние Публио — это «неприкосновенный запас» королевства! Это деньги, которые надо будет потратить в ситуации чрезвычайной и непредвиденной! Именно поэтому варвар позволял хитроумному канцлеру воровать столько, сколько сумеет уместить его карман, но и не забывал напоминать Латеране, что каждый украденный золотой должен

быть учтен в соответствующих документах, которые при надобности можно будет пустить в ход!

Насколько я понял, Гленнор тоже догадался. Лицо господина барона озарилось хищной улыбкой.

— Своих детей у Публио нет, — задумчиво сказал глава Латераны. — Состояние после его смерти отойдет к бесчисленным племянникам и племянницам, а отдавать девять сфинксов и без того обеспеченным дворянчикам никто не собирается… Мнение Публио по этому поводу меня мало интересует. Решено, завтра я вызову его в Латерану и поговорю по душам… Да вот только он может и не ответить на вежливое приглашение — у нас с его светлостью старые разногласия.

— Еще как ответит, — жестко сказала Дженна. — Я, как правящая королева, настоятельно порекомендую Публио навестить ваше поместье, барон. Но… Я полагаю, что грабить канцлера мы не будем.

— Грабить? — самым невинным тоном переспросил Гленнор, картинно вздернув бровь.

— Давайте посчитаем, — в глазах Зенобии появился знакомый мне блеск. Такую интересную хитринку можно увидеть на лицах купцов, почуявших запах больших денег. — Наемная армия? Отлично! Будем исходить из обычной платы в два кесария за седмицу каждому наемнику. Десять тысяч человек — это сколько получается? Добавляем сюда расходы на провиант, фураж для лошадей, оружие, оплату грузовым кораблям нашего речного флота, которые будут перевозить новобранцев, непредвиденные траты… В целом получается не более полутора «сфинксов». Гленнор?!

— Да, ваше величество?

— К завтрашнему утру подготовьте бумаги, обвиняющие его светлость герцога Публио Форсеза, канцлера Аквилонии, в злодейской покраже из казны золота на сумму в полтора офирских «сфинкса»! Оставшихся восьми старику вполне хватит для счастья… Если не вернет указанную мною сумму — повесить!

— Это же шантаж! — фыркнул Рэльгонн.

— …И его нельзя вешать, — хрюкнув, добавил барон Гленнор. — Он дворянин, герцог…

— К Нергалу традиции! — Дженна взглянула на меня. — Тотлант, у тебя при себе чернильница и перо?

— Нет, оставил наверху, в библиотеке…

Но Гленнор уже хлопнул в ладоши и в Белой гостиной появился тихарь и золотым подносом, украшенным пузырьком с отличными чернилами из краски осьминога, белоснежным гусиным пером и несколькими пергаментными листами.

— Я знал, что писчий прибор может пригодиться, — пояснил наш великолепный барон. — Что угодно начертать вашему величеству?

— Сейчас… — Зенобия быстро набросала несколько строк на пергаменте, вынула из прицепленного к поясу парчового мешочка Малую Печать, дыхнула на кругляш и оттиснула на документе изображение королевского Льва, окруженного девизом Аквилонии: «Где властна воля — там путь к победе!»

— Теперь за покражу из казны любой дворянин будет подвергнут позорной казни через повешенье, — пояснила Дженна, передавая пергамент Гленнору. — Покажи бумагу Публио, он поймет…

— Круто вы взялись за дело, государыня, — покачал головой барон. — Некоторые

извечные традиции и вольности нельзя отменять, Рокодов не оберешься, каждый второй дворянин взбунтуется, причем на самых законных основаниях… С вашего позволения, я этот указ покажу только Публио. Как всякий вор он труслив, поверит. Но к всеобщему оглашению я сей рескрипт не рекомендую.

— Ничего страшного, я согласна, — согласилась Дженна. — В данный момент меня интересуют только деньги, уж простите купеческую дочку за такую вульгарность.

— Золото мы получим вскорости, — ответил Гленнор. — Но мы отвлеклись. Месьор Рэльгонн, может быть вы расскажете нам о том, что сейчас происходит в Коринфии и как поживают наши общие друзья?

— Почему бы и нет? — развел руками упырь. — Могу сказать, что они изрядно загорели под теплым солнцем Полудня, потратили множество казенных денег на удовольствия и вино, но в то же время сумели раскопать нечто весьма важное… Особенно после того, как вы, Гленнор, самочинно назначили Халька посланником при новом короле Коринфии.

— Посланником? Халька? При каком короле? Кто назначил? — эти вопросы одновременно посыпались от меня и Зенобии. Новость была, прямо скажем, неожиданная.

Гленнор чуть смущенно откашлялся, но тотчас вновь приобрел прежний уверенный вид.

— Хальк Юсдаль, Гвайнард, граф Кертис и Валент Мессантийский попали в весьма неприятное положение, — пояснил барон. — Я был обязан принять меры. Зенобия, для вас не секрет, что Латерана располагает точными копиями всех государственных печатей, в том числе и королевских.

Дженна промолчала, но я понял, что это ей известно.

— Так вот. Был составлен надлежащий рескрипт, подпись короля Конана… э… мы весьма искусно подделали, а затем верительные грамоты с помощью Рэльгонна были переправлены в Коринфию, ко двору короля Амори.

— Вы и мою подпись можете подделать? На любом указе? — холодно поинтересовалась королева.

— Разумеется, ваше величество. Но этой привилегией тайная служба пользуется крайне редко, только в чрезвычайных обстоятельствах.

— Привилегией… — вздохнула Дженна. — Гленнор, я все чаще начинаю задумываться, кто из нас правит Аквилонией?

— Правите — вы. А на страже Аквилонии стою я.

— Пусть будет так, — Зенобия была явно недовольна, но сумела промолчать и подавить свои чувства. — Давайте продолжим… Рэльгонн, так что же случилось в прежде спокойной Коринфии?..

* * *

Уже глубоко ночью, когда рудненский упырь прыгнул через Ничто в незнаемые дали, а Зенобия отправилась в опочивальню, меня задержал окрик барона Гленнора:

— Тотлант! Постой, не торопись. Боюсь, поспать сегодня не придется. Я сейчас еду в Латерану, предлагаю тебе тоже прогуляться за город.

— Зачем? — не понял я.

— Поговорить. Но не со мной или с моими костоломами, а с некоей прекрасной дамой. Очень даже прекрасной, скажу я тебе! Засмотришься! Писаная красавица!

— Вы… Вы про баронессу Астер? Колдунью из Коринфии? — ахнул я, поняв о чем идет речь. — Ту самую, что была захвачена в замке илитидов? Черное Солнце?

— Именно! — хмыкнул Гленнор. — Едем?

Сонливость как рукой сняло. Я сбежал вниз по лестнице и остановился рядом с его тайной милостью.

— Едем! Вы смогли ее разговорить?

— Пытаемся, мой дорогой Тотлант, пытаемся… Но твое участие в деле тоже не помешает. Повозка на главном дворе, возницы ждут. К рассвету будем в моем поместье.

Глава 4
ПЕРВЫЙ РАССКАЗ КЕРТИСА
«Замок в горах»

11-13 дни третьей осенней луны 1296 г.
Арелата, Коринфия.

В прежние времена я никогда не был паникером — ремесло не позволяло. Избранное мною авантюрное поприще не располагает к панике, ибо от спокойствия, рассудительности и хладнокровия конфидента зависит не только его собственная жизнь, но и жизни сотоварищей по государственной службе. За пятнадцать с лишним лет служения Латеране я сорвался только один раз и случилось это на второй день после переворота в Аквилонии, того самого, что привел на трон Конана — я тогда вдрызг напился в первом попавшемся по дороге кабаке, заснул под столом и был обобран тамошними жуликами. Денег не жалко, да и золота при мне было всего ничего, так, кесариев пять. Но проклятые мошенники увели не только кошелек, но и тубус с наисекретнейшими докладами казначейской управы, которые я был обязан передать в канцелярию герцога Публио.

Разумеется, на следующий день мы подняли на ноги всех агентов Латераны действовавших в городе и бумаги отыскались, однако выволочку от Гленнора я получил такую, что доселе вспомнить страшно. С тех пор я зарекся пить больше двух бокалов вина.

Так вот, о панике. Хотите верьте, хотите нет, но граф Кертис, краса и гордость Аквилонской тайной службы, обладатель десятка самых высших орденов Трона Льва (и даже одного зингарского) сейчас откровенно паникует и полагает, что всей нашей шайке следует как можно быстрее покинуть Коринфию. Надо уносить ноги. Куда угодно, хоть в пущу Пиктов, хоть в какой-нибудь Паган, хоть на луну (кстати, некоторые ученые мужи полагают, что там тоже живут люди). Но уехать мы пока не можем — Гленнор настрого запретил мне и Хальку покидать Арелату. Тем более, что Хальк Юсдаль, извольте видеть, теперь «посол его величества» при особе Амори I Коринфийского.

Почему мне не терпится как можно быстрее исчезнуть из Арелаты? Очень просто: Коринфия из тихой и благополучной провинции Немедии превратилась в полное подобие Стигии эпохи расцвета. Черные маги на каждом углу, монстры за каждым кустом — остается только построить в Арелате парочку пирамид и поставить сфинкса, сходство будет полным.

Я, конечно преувеличиваю, но чутье на опасность меня раньше никогда не подводило. А после крайне неприятной ночи, проведенной в престрашном узилище при управе стражи, тревожный колокольчик звенит в висках не переставая.

Впрочем, давайте по порядку. После истории с илитидами и замком Астер, от коего ныне остались только воспоминания и груда оплавленного камня, всех кроме Халька, его камердинера и охотников месьора Витария задержала стража. Обвинений никаких не предъявили, что неудивительно: доказать наше участив нападении на Астер было невозможно. Я тогда решил, что нас подержат в холодной не больше суток, а потом позволят уйти с миром или, в крайнем случае, выпрут из Коринфии. Но все повернулось по-другому.

Ночью мою камеру (полнее уютную и чистую, кстати) посетили трое незнакомцев самого зловещего вида. Испугали меня вовсе не черные плащи с капюшонами — такие

одеяния носит едва ли не каждый третий встретившийся на улице человек — а их лица. Конечно, Рэльгонн с его клычищами, сероватой кожей утопленника и глазами-фонарями тоже способен повергнуть в ужас непривычного человека, но дело-то в том, что Рэль другой, он к людскому роду никаким боком не относится и такая внешность положена упырю от природы. А эти страшилища все-таки были людьми… Когда-то были. Чем они стали — ни я, ни искушенный в вопросах магии Валент, ни Хальк, перечитавший уйму книг, ответить не смогли.

Итак. Эта веселая троица вошла в камеру неслышно и расселась на табуретах, принесенных стражей — я сразу заметил, что охранники тюрьмы выглядят бледно, они явно были напуганы. В дверях встали два широкоплечих месьора с тупыми физиономиями наемных убийц самого низкого пошиба. А когда нежданные гости откинули капюшоны, я едва не подавился воздухом.

В общем и целом их лица сохранили человеческие черты: носы, глаза и уши оставались на положенных им местах, да и клыки изо ртов отнюдь не торчали. Но, извините — разве у людей бывает ярко-алая кожа с черными и синими полосками? У каких, спрашивается, представителей рода человеческого, растут желтоватые рожки? Причем не парные, как у коров или баранов, а тройные — два небольших, с палец, рога на висках и один во лбу. Кроме того у человека не бывает нефритово-синих волос и по-кошачьи зеленых глаз с вертикальным зрачком-щелью.

Словом, зрелище весьма красочное, если не сказать — радужное. И донельзя неприятное, чересчур неестественное. Вообще-то я слышал, что некоторые колдуны в Стигии покрывают себя цветными татуировками, но здесь я понял, что раскраска ночных визитеров — самая естественная, ладони и кожа на шее так же были красно-черными. Ни дать, ни взять — три демона, вылезшие из Черной Бездны, чтобы погулять по миру людей, заглянуть в кабак или бордель…

— Доброй ночи, граф, — вполне дружелюбно сказал первый «демон», выглядевший постарше двух других, хотя определить нестоящий возраст этих страшилищ я не сумел. — Отдыхаете?

— Да, — коротко ответил я. — И предпочел, чтобы мне не мешали вкушать заслуженный сон.

— Мое имя — Рат. Это — Гитос, а это — Салд, — не обратив внимания на мои слова сказал старший. Я вспомнил, что уже где-то слышал эти необычные имена.

Конечно же! Только никакие это не имена, а названия основных символов Кхарийской письменности из которых складываются более сложные иероглифы. Так-так, любопытно…

— Вас смущает наш необычный облик? — участливо осведомился Рат. — Увы, это плата за некоторые знания, обретенные нами. Не беспокойтесь, граф — мы самые обычные люди.

— У обычных людей нет рогов, — напомнил я, пытаясь держаться непринужденно.

— Вы советуете их спилить? — чуть издевательским тоном спросил урод, поименованный Гитосом.

— А разве это больно?

— Хватит, — Рат решительно прервал бессмысленную пикировку. — Граф, принимайте нас такими, какие мы есть. Мы пришли поговорить.

— «Мы» — это кто? И потом, месьоры, с чего вы решили, что я граф? Я всего лишь сопровождаю приехавшего на отдых в Арелату барона Лингена из Аквилонии.

— Можете считать себя кем угодно, хоть императором Кхитая, хоть аватарой Сета, но

суть от этого не измениться. Вас зовут Эган, четырнадцатый граф Кертис из Кертиса, что в Тауране аквилонском. Трудитесь вы в Латеране, где начальствуете над вторым столом, отвечающем за спокойствие на землях Аквилонии, неженаты, единственный сын престарелых и не слишком богатых родителей, известны многими подвигами на поприще ремесла плаща и кинжала, а так же участием в заговоре против Нумедидеса вечной 1288 года. Я не прав?

— Неправы, — отрекся я от самого себя, понимая одновременно, что рогатые и красномордые месьоры знают чересчур много. Фактически, мое имя и род занятий являются почти что государственной тайной. — Но если вам так хочется, на время могу вообразить себя этим… как вы сказали? Графом Кертисом?

— Приятно видеть перед собой разумного собеседника, — кивнул Рат. — Скажите, граф, вас можно купить? Извините, что я говорю столь прямо, но ходить вокруг да около бессмысленно. Вы умный и способный человек, иначе никогда бы не забрались на такие высоты — барон Гленнор не держит возле себя дураков. О чем вы больше всего мечтаете в жизни? Золото, слава и женщины вас интересуют не более, чем обычного смертного, иначе вы бы давным-давно все это получили, с вашей-то энергией и настойчивостью… Значит, что-то другое? Некие тайные желания, которые всем не откроешь?

— Ну да, конечно, — одарил я гостя лучезарной улыбкой идиота. — Тайные желания! С раннего детства лелеял мечту о том, чтобы собрать гарем из златокудрых юношей, которые будут выполнять любую прихоть своего господина. Устраивает?

— Перестаньте, прошу вас, поморщился Рат, отчего его безобразная рожа стала еще противнее. — Впрочем, если такое желание тоже имеет место — оно вполне выполнимо… Серьезные люди, наподобие вас, увлекаются другим. Тайнами. Тайнами как вполне прозаическими, вроде секретной переписки государей соседних держав, так и крайне опасными, надежно спрятанными временем или силами почти неподвластными человеку.

— Достопочтенный Рат, вы ведь убеждены, что я являюсь графом Кертисом, конфидентом Аквилонского секретного ведомства? Ну сами подумайте, как могут интересовать тайны человека, которому они наверняка смертно надоели за долгие годы службы?

— Не скажите, граф… Вы обладаете не своими секретами, они принадлежат королевству, а не вам. Нужно ведь что-то и для себя? Нечто особенное, удивительное.

— И чего такого особенно удивительного вы хотите предложить графу Кертису? Если встречу его — обязательно передам.

— Вопрос в том, что он хочет получить.

— А что должен отдать взамен?

— Немногое. Мы даже не требуем безоговорочной верности. Нам нужны только… советы. Дело в том, что в Коринфии нет своей тайной службы, дворяне не хотят этим заниматься — в отличие от Аквилонии, здесь это ремесло считается позорным, благородный человек не может шпионить и соглядатайствовать. Магия, как вы сами понимаете, тоже не всесильна.

— Так вы — маги?

— Можно сказать и так, но эта формула не совсем верна. То, чем мы занимаемся не является магией в общепринятом понимании данного слова.

— Это точно, — фыркнул я. — По лицам видно.

— Подумайте, Кертис, серьезно подумайте. Мир меняется и в изменившемся

Универсуме такие люди как вы должны занять достойное место…

И так далее. На протяжении четырех квадрансов эти образины то сулили золотые горы, то пытались мягонько пугать, затем в крайне туманных и загадочных выражениях снова заговорили о некоем грандиозном преображении Закатного материка, которое следует ожидать едва ли не со дня на день… Я лишь вставлял едкие комментарии и откровенно нарывался на мордобой — посмотрим, насколько далеко они смогут зайти. Убить, конечно, не убьют — понимают, что Гленнор не простит смерти своего лучшего помощника и достанет их из-под земли…

Закончилась ночная беседа именно тем, чем я и ожидал. После очередной насмешки с моей стороны Рат угрюмо замолчал, встал с табурета и вышел из камеры вместе со своими приятелями-рогачами. Два мордоворота с обезьяньими харями аккуратно намяли мне бока и разукрасили физиономию, после чего тяжелая дверь захлопнулась и громыхнул железный засов. По счастью обошлось без пошлостей наподобие зловещего шипения «Мы еще вернемся!».

Я поохал (сломанные ребра зверски болели), лег на лавку и попытался заснуть. Что характерно — получилось. Я проспал до утра, когда примчалась взволнованная стража и едва не под ручки отвела меня в кордегардию, где меня дожидались Хальк вместе с неизменным Джиггом. Остальных к моему удивлению тоже отпустили и теперь наша веселая компания снова была в сборе.

Вот только что нам теперь делать?

* * *

Тем утром я поднялся позже обычного — сказались последствия применения магии, при помощи которой Валент за считанные мгновения сумел вернуть меня к жизни: грудь больше не болела, да и отвратительный кровоподтек под левым глазом почти исчез, осталась только желтоватая тень. Сами понимаете, утонченному дворянину не пристало щеголять с таким украшением на лице, дамы не поймут. Хотя, какие к демонам, «дамы», мы же не в Тарантии, где можно невозбранно ухлестывать за придворными вертихвостками…

— А где Хальк и его выдающийся камердинер? — осведомился я у Валента и Гвайнарда, завтракавших в большой гостиной.

— Отправились исполнять свои непосредственные обязанности, — сквозь набитый рот промычал Гвай, а Валент дополнил:

— Рано утром явился королевский герольд с приглашением — посланник его величества Конана Аквилонского обязан явиться в замок короны, представиться государю Амори, — волшебник хихикнул: — Джигг был в ужасе! Нет ни церемониального одеяния, ни золотого оружия, лучший колет Халька украшен чужим гербом. Я думал, камердинера удар хватит…

— Джигг, конечно, нашел выход?

— А как же, на то он и Джигг! Гвайнарда подняли с постели, сунули в зубы кошелек с золотом, и отправили в ближайшую швейную мастерскую, где за безумные деньги он раздобыл приличествующее готовое платье. Еще пришлось заплатить златошвейкам — за

герб Юсдалей на плаще и колете.

— Вот как мы тратим казенные деньги, — вздохнул я, усаживаясь за стол. — Кроме того, объясните, что это за дурацкая история с посланничеством Халька? Кто и когда его назначил? Он вам хоть что-нибудь рассказал?

— Барон Юсдаль поначалу и сам ничего не понял, — отозвался маг. — Но пока ты отдыхал, явился Рэльгонн, передал депешу от Гленнора. Я не удержался, вскрыл пакет. Читай…

И Валент перебросил мне сложенный в несколько раз пергамент.

— Ясно, — коротко сказал я, пробежавшись глазами по ровным строчкам письма, написанного уверенной рукой обожаемого начальника. — Подделали верительные грамоты и решили нас раскрыть… Но зачем? Только для того, чтобы вытащить из тюрьмы? Не верю, хоть режьте! Или Гленнор задумал куда более тонкую интригу? Хочет установить если не дружеские, то хотя бы относительно близкие отношения с новоявленным королем Коринфии? Интереснее всего то, что назначение посланника означает одно: Аквилония признала права Амори. А это обязательно вызовет раздражение Нимеда. Большая политика — дело тонкое… Есть еще новости?

— Хоть отбавляй, — Валент неожиданно посмурнел. — Ночью пришло еще одно послание. Если к явлениям нашего упыря я уже привык и не вижу в его способностях ничего необычного, то история с этим пергаментом… — волшебник вынул из широкого рукава свиток драгоценного белого пергамента, изготовлявшегося из отборной телячьей кожи. — С этим пергаментом все обстоит куда сложнее.

— То есть? — заинтересовался я.

— После полуночи открылся почтовый портал, я вам рассказывал что это такое. Из огненного кольца прямо мне в физиономию полетел этот свиток. Я распечатал, прочитал. Это писал человек не имеющий никакого отношения к Ордену Равновесия, что весьма странно. Понимаете ли, маги нашего конклава «настроены» друг на друга, мы чувствуем по возмущениям в поле волшебной силы где находится один из наших собратьев и всегда можем его отыскать. Но вот связаться с помощью такого Портала с Пелиасом Кофийским или, допустим, со знаменитой колдуньей Лоухи из Похьелы я не могу — мы используем совершенно разное волшебство, я не могу настроиться на Светлого или Черного мага, для этого надо иметь высочайшую степень посвящения, обладать нешуточным могуществом… Кто-то сумел отыскать меня. Кто-то чужой.

— Позволь взглянуть…

Я развернул свиток. Н-да, есть повод призадуматься.

Написано по-аквилонски, принятыми на Закате знаками, которые ввел в употребление еще святой Эпимитриус. Да только начертание несколько необычное, слишком угловатое, буквицы смахивают на… Верно, или на нордхеймские руны, или на иероглифы. От пергамента исходил слабый запах благовоний — я мигом определил ароматы смолы тувайна и редчайшего голубого лотоса, коего почти никто из живущих в глаза никогда не видел, а изготавливаемые из него благовония ценятся на вес алмазов. Флакончик с вытяжкой голубого лотоса в Аквилонии есть только у канцлера Публио и в Латеране.

Далее: чернила извлечены не из краски осьминога или каракатицы, а сделаны из редких минеральных красок, тоже являющихся баснословно дорогими и недоступными простому смертному. Внизу стоит неизвестный знак — стилизованное изображение гиппотавра, сжимающего в пасти жезл странного вида.

А написано было вот что:

«Валенту из Мессантии, главе Ордена Алого Пламени.

Буду ожидать тебя в замке Эль-Башем, что на Мраморном перевале, в течении ближайших трех дней. Повторного предложения о встрече не будет. Твоя безопасность гарантируется, но ты можешь взять с собой двух телохранителей».

Вот так, коротко и ясно.

— Эль-Башем — это у нас где? — спросил Валент, когда я вернул ему письмо.

— Карпашские горы, полуденнее Арелаты, — припомнил я дорожные карты Заката, наизусть выученные за годы путешествий. — Только это «не у нас», в смысле — не в Коринфии. Граница с Кофом проходит как раз по Мраморному перевалу, замок стоит уже на территории Кофийского королевства. Но… Дело в том, что Эль-Башем давным-давно разрушен, там одни руины. Я видел их семь лет назад, когда ездил через этот перевал в Хоршемиш по деликатному поручению Гленнора. Если отправимся немедленно, завтра к утру будем на месте.

— Кертис, ты уверен, что нам обязательно надо ехать? — Гвайнард с неприязнью посмотрел на валявшийся возле его бокала пергамент. — Не нравится мне все это. Может, мне следует порасспросить об этом замке Витария и его Ночных Стражей? Ребята обязательно должны что-то знать!

— Хорошая мысль, — согласился я. — Закончишь завтрак — отправляйся к Витарию, разузнай что и как… Ехать надо обязательно! Слишком уж необычное письмо. Оно написано очень богатым и влиятельным человеком, по всему видно. Валент, у тебя есть соображения?

— Это — маг, — убежденно ответил Валент. — Имени, понятно, назвать не могу, личный герб, нарисованный на листе, мне ни о чем не говорит, но волшебники всегда предпочитали скрывать свои эмблемы, я и собственную-то никому кроме Тотланта не показывал…

— Не сможем мы уехать, — заметил прагматичный Гвайнард. — За нами следят и весьма пристально. Соглядатаи доселе во дворе ошиваются, я утром видел. Двое меня проводили до самой швейной мастерской, где я покупал Хальку новое облачение, ни наг не отставали.

— Отвести глаза шпионам — дело нехитрое, — поморщился Валент. — Если у меня хватило сил для того, чтобы уничтожить замок Астер, то заморочить головы простым смертным я сумею без осложнений. Тем более, что близкого присутствия других магов я не чувствую.

— Точно так же, как не сумел почувствовать тех рогатых уродов, которые навещали меня в соседней камере, — проворчал я. — Впрочем, красномордые сказали, что они не колдуны, а нечто другое, хотя и близкое… Давайте подумаем логически: если неизвестный колдун, желающий поговорить с Валентом, приглашает его к себе, следовательно, он должен обеспечить свою безопасность. И должен знать, что в Коринфии неспокойно.

— Понадеемся на дядю? — усмехнулся Гвай. — Ладно, согласен, где наша не пропадала! Ладно, вы собирайтесь, а я пока сбегаю на постоялый двор к Витарию, может чего узнаю…

* * *

Я был уверен, что местные Ночные Стражи нарассказывают Гваю о замке Эль-Башем всяческих ужасов — мол, и призраки там шастают, и вурдалаки с упырями еженощно устраивают на развалинах кровавые оргии, ушатами потребляя кровь невинных девиц и пожирая трехдневных младенцев, да и вообще в округе обитают клыкасто-когтистые пучеглазые монстры, так и ждущие удобного момента, чтобы сцапать неосторожного путника… Но я ошибся.

Мы с Валентом оседлали лошадей, приготовили дорожные мешки со сменной одеждой и запасом еды на трое суток. Соглядатаи, заметив нашу суету в конюшне заинтересовались необычайно, но я старался не обращать на них внимания, хотя кулаки и чесались — никогда не прощу фатаренам ночи, проведенной в кордегардии и разбитого глаза!

Гвай вернулся спустя полтора колокола, когда солнце стояло в зените, а на ратуше Арелаты отбили полдень. Поднявшись в наши комнаты на втором этаже «Горного Орла» доблестный охотник на монстров только развел руками и сообщил, что ни сам Витарий, ни его люди никогда доселе не слышали об Эль-Башеме ничего дурного. Развалины как развалины — таких заброшенных замков в горах множество. Самое страшное чудовище обитающее там — крупная летучая мышь-кровосос, но относится она к самым обыкновенным животным, в которых нет ничего магического или демонического, да и на людей этот нетопырь не нападает, предпочитая кровь коров или лошадей. Жители горных деревень никогда на Эль-Башем не жаловались, в самих горах никто кроме людей не живет а о такой экзотике, как гоблины или гномы-дверги в Карпашских горах отроду не слыхивали…

— Ну что, отправляемся? — вопросил я, оглядев Гвая с Валентом. Маг оделся в дорогу как небогатый дворянин, а Гвайнард предпочел не изменять традициям и нацепил полную нордхеймскую сбрую: широкие полосатые штаны, две длинных рубахи с войлочным плащом и круглую шапку из меха черно-бурой лисы. — Валент, ты точно сможешь обмануть преследователей.

— Смогу, смогу… Вы додумались оставить записку Хальку? Он с Джиггом доселе томится во дворце короля и начнет беспокоиться, обнаружив, что мы исчезли незнамо куда.

— Конечно, — кивнул я. — Оставил послание в комнате барона Юсдаля, однако не упомянул, куда мы направляемся. Так будет спокойнее.

— Нам, но не Хальку, — перебил Гвай. — Ты же его знаешь — паникер каких поискать…

Я не ответил, поскольку сам испытывал чувство близкое к панике.

Мы спустились в хозяйственный двор, вывели лошадей из конюшни, а служка открыл ворота на улицу. Само собой, неподалеку маячили пятеро всадников самого подозрительного вида, которые не спеша направились вслед, когда мы поехали к полуденному выезду из города.

— Приготовились… — одними губами сказал Валент, когда мы миновали пост стражи на окраине столицы. Между прочим, кроме обычных копейщиков, проверявших подорожные, здесь скучал огромный метацилленарий с наездником в седле. Жуткая птица проводила нас голодным взглядом. — А ну, поддайте шпор!

Наши лошадки сорвались в галоп. Я успел оглянуться и заметил, нечто удивительное: три казавшихся вполне реальными фантома и полностью копировавших наш облик не торопясь свернули на боковую дорогу, ведущую к Заморе. Шпионы направились вслед за ними.

— Вот и все, — хмыкнул Валент, когда наши скакуны на одном дыхании отмахали три или четыре лиги и перешли на рысь. — Теперь нас никто не догонит, даже если очень этого захочет.

Впереди поднимались синевато-зеленые массивы Карпашского хребта. Мощеный грубым камнем тракт уводил нас все выше, в горы.

* * *

Рядом с такими могучими и почти непроходимыми кражами, как Граскааль или Кезанкия, Карпашские горы являют собой длинную цепь покрытых лесом высоких холмов, протянувшихся с Полуденного Заката на Полуночный Восход. Скальные выходы, конечно, здесь тоже присутствуют, но камень за долгие тысячелетия выветрился и раскрошился. В широких долинах встречаются деревни виноградарей — коринфийское вино славится на весь Закат — но крупных городов в горах нет.

Эти земли никогда не были спорными — кофийцев нет возможностей и желания расширять свое владения за счет лесистых массивов, а Немедия вплоть до нынешней осени владевшая Коринфским протекторатом, полагала Карпашский хребет естественной границей империи, отделявшей земли Трона Дракона от беспокойного Кофа и Заморы, в которой немедийцы так и не сумели навести порядок.

Уйдя от преследования мы ехали на Полдень до самого вечера, сделав лишь две коротких остановки, чтобы дать передохнуть лошадям и перекусить. Заночевали прямиком на перевале, в лесу. Гвайнард предупредил, что этом захолустье водятся крупные хищники, включая даже знаменитых серых медведей, а потому нам придется дежурить по очереди и поддерживать костер — животные не любят огонь и никогда к нему не подходят.

Ночь прошла абсолютно спокойно, только слышался в отдалении волчий вой, да поскрипывали вековые ели в чащобе. На рассвете мы отправились дальше — дорога закончилась и теперь лошадки шли по старинной караванной тропе. Гвайнард то и дело сверялся с планом этих мест, любезно одолженным Витарием.

— Добро пожаловать в Коф, — возгласил Гвай и остановил коня возле здоровенной гранитной глыбы, над которой некогда потрудились камнерезы. — Вот вам и дорожный знак, обозначающий границу. Поедем направо или прямо — окажемся в Кофе, налево — в Заморе. Мы находимся на стыке сразу трех рубежей, но пограничной или дорожной стражи вы здесь не встретите, не от кого охранять.

— А как же сборы с купеческих караванов? — поинтересовался Валент.

— Мзду за проход по горам взимают еще в долинах, далеко отсюда. Кстати, мы почти приехали, — Гвай вытянул руку указывая вперед и направо: — Во-он видите, на верхушке желтой скалы? Эти руины как раз принадлежат замку Эль-Башем.

Охотник не ошибался. На плоской вершине скального выхода действительно красовались живописные развалины — угадывались очертания рухнувшего донжона, сложенная из громадных валунов стена и обвалившаяся надвратная башня.

— Там ведь никто не живет, верно? — спросил я, подталкивая лошадь пятками в бока. — Судя по виду, крепостишку забросили лет четыреста назад.

— Если не раньше, — отозвался Гвай. — Этот замок прикрывал рубежи Кофа от возможного вторжения с Полуночи, но когда стало ясно, что военная опасность преувеличена, крепость оставили, а передовые посты кофийской армии стоят лиг на десять полуденнее. Весьма уединенное местечко, идеально подходит для тайных встреч.

Спустя два квадранса мы очутились у подножия скалы и сразу обнаружили ведущую наверх каменистую тропу по которой вполне могли пройти лошади. Вскоре стало ясно, что Эль-Башем необитаем — никаких следов присутствия человека в замке не обнаружилось.

— Может, это был неудачный розыгрыш? — предположил Гвайнард, когда мы осмотрели двор крепости и заглянули в пустые башни. — Людей нет, конского навоза тоже, а это значит, что мы первые, кто посетил Эль-Башем за много-много лет…

— Кто здесь Валент из Мессантии?

Низкий голос с протяжным полуденным акцентом заставил нас обернуться и схватиться за рукояти клинков — настолько неожиданно он прозвучал.

— Я… гм… Валент из Мессантии — это я, — выступил вперед волшебник с недоумением оглядывая выросшего словно из-под земли воителя.

Столь крупных людей можно встретить крайне редко, я аж присвистнул, от изумления. Это был негр, ростом вымахавший почти до шести локтей (сиречь на полголовы выше Конана). Широченные плечи, бугры стальных мышц, ноги как древесные стволы… Доспех очень дорогой, с золотыми насечками, на шлеме поблескивают цветные камни, складывающиеся в узор в виде змеи. Кажется, я начинаю понимать, кто именно пригласил нас для задушевной беседы…

— Лошадей оставьте, идите за мной, — отрывисто сказал чернокожий гигант и тяжеловесно потопал к дальней стене. Внезапно камень расступился — это было не волшебство, а механика, гранитная плита просто отошла в сторону, открывая широкий проход, освещенный яркими зеркальными фонарями.

Мы прошли по коридору (дверь позади неслышно запечаталась), потом спустились по лестнице. На каждом углу — стража, такие же монументальные дяди как и встретивший нас негр, все как один родом происходят из Пунта, если верить татуировкам на щеках.

— Ждите здесь, господин сейчас придет, — командир охраны привел нас в круглую комнату, обставленную со вкусом, но без особой роскоши. Посреди стол с угощением и серебряными сосудами с вином, красивые подсвечники, стулья без спинок, но зато с алыми бархатными подушечками на сиденьях. Присесть никто из нас не решился. Валент выглядел спокойно, на взгляд у волшебника был настороженный.

— Желаю здравствовать моим досточтимым гостям, — я слегка вздрогнул, когда из полутьмы громыхнул очень низкий и исполненный достоинства голос. — Располагайтесь, отведайте вина и лучших яств моей страны…

Он вошел стремительно, излучая уверенность и могущество. Никогда прежде не видел настолько уверенных в себе людей — создавалось впечатление, что этому величественному месьору достаточно шевельнуть пальцем, и весь мир падет ниц у его ног.

Холодный взгляд пронзительно-черных глаз показался мне вполне безмятежным, но где-то в глубине зрачков пылало таинственное и недоброе пламя, некая искра, заставлявшая людей чувствовать себя крайне неуютно. Я дал бы этому человеку лет шестьдесят, благодаря глубоким морщинам на лбу и вокруг глаз. Орлиный нос с большой бородавкой, желтоватая кожа, на хламиде сшитой из драгоценной черной парчи золотом вышито изображение змеиного воплощения Сета. Голову украшает простой железный обруч-корона с

единственным черным алмазом во лбу.

— Смею надеяться, что хотя бы благородный Валент Мессантийский меня узнал, — чуть снисходительно сказал нынешний владетель Эль-Башема. — Но так или иначе исконные правила вежества обязывают меня представиться. Тот-Амон, сын Мин-Кау, родом происходящий из Сухмета, а вовсе не из Птейона, как многие полагают… Что же вы стоите, месьоры? Если вам кажется, что стол беден — ничего поделать не могу, обстановка походная.

— Нет-нет, все замечательно, — ответил Валент, справившись с волнением. — Позволю себе представить моих друзей, графа Эгана Кертиса из Аквилонии и Гвайнарда из Гандерланда, он состоит в гильдии Ночной Стражи.

— Я слыхал о вас, господа, — кивнул Тот-Амон и хлопнул в ладоши. — Эй там! Поухаживайте за гостями!

На несколько мгновений появились неслышные и почти незаметные как призраки рабы, разлили вино по тонкостенным бокалам цветного стекла и вновь исчезли.

— За минувшие годы Орден Алого Пламени достиг серьезных успехов, — без лишних предисловий сказал Валенту самый великий колдун нашей эпохи. — Я, уж простите старика за любопытство, внимательно слежу за деятельностью конклава Равновесия. Особенно приятно знать, что один из моих соотечественников и бывший ученик теперь занимает в Ордене высокое положение. Я всегда знал, что Тотлант Луксурский — способный юноша, унаследовавший силу от своего отца Менхотепа, являвшегося выдающимся магом…

— Благодарю за лестные слова, — обходительно ответил Валент, отлично зная, что стигийцы, особенно колдуны Круга Птейона, помешаны на этикете и даже самые черные злодейства могут творить не снимая с лица маску вежливости. — При встрече я передам Тотланту твои речи, о великий…

— «Великим» я являюсь только для Черного Круга, а не для волшебников Равновесия, — остановил излияния Валента Тот-Амон, вытягивая руку. — Посему тебе не следует так ко мне обращаться. Сейчас мы разговариваем на равных, как люди возглавляющие магические конклавы. Я хотел пригласить еще и Пелиаса Кофийского, дабы на время объединить силы Черного, Белого и Алого в борьбе против общего врага, но Пелиас отказался. Не хочет, понимаете ли, пачкаться, гордец… Попомните мои слова, месьоры, гордость и заносчивость однажды погубит Орден Золотого Лотоса, выживут лишь те, кто не побоится наступить в навоз и вычистить хлев своими руками. Я рад, Валент, что ты откликнулся на приглашение. Более того, я рад видеть и твоих друзей, представляющих различные силы, играющие свою роль в поддержании равновесия на Закате. При всех моих личных разногласиях с королем Конаном я не могу не признать, что его тайная служба способна на многое, а Ночная Стража, кою здесь представляет месьор Гвайнард уважаема на всех землях материка и обладает уникальными знаниями и опытом…

Тот-Амон ненадолго замолчал, смочил губы в ароматном белом вине (я такого сорта еще не пробовал, но признаю, что вино было замечательно). Потом колдун обвел нас взглядом и продолжил:

— Полагаю, объяснять причину приглашения не имеет смысла, вы знаете о происходящем ничуть не хуже меня. Не только Алый Орден обеспокоен появлением новой и опасной силы в лице Черного Солнца. В Птейоне тоже осведомлены о планах этих выскочек, осмелившихся пробудить к жизни древнее волшебство, которое до скончания веков должно было дремать в недрах земли…

— Прошу простить за невежество, — я решился вступить в разговор, — но разве магия Ахерона и Стигии не происходит из одного источника?

— Ты хорошо разбираешься в интригах, оружии и ремесле лазутчика, но читал слишком мало книг по искусству волшебства, — бесстрастно ответил Тот-Амон. — Боги Кхарии не имели никакого отношения к Великим Силам, коим мы сейчас поклоняемся. Сет Змееног не был кхарийским богом. Митра, Сет, Иштар, Затх или Эрлик принадлежат нашему миру, Вселенной Человека, Средней Сфере. Но не забывайте, что существуют Верхняя и Нижняя Сферы, обители первозданного Света и первозданной Тьмы! Великие маги Пифона нарушили запрет действовавший с момента сотворения Универсума: не допускать столкновения меж Сферами, не открывать прямых проходов в Черную Бездну или в Горние Дали… Впрочем царство Верхней Сферы всегда оставалось закрыто — его владыки поставили надежную границу, обороняющую Свет от вторжения и эта граница не может быть нарушена кроме как по их желанию. Поговаривают, что именно там обитает устранившийся от дел Творец Мира, но никто ничего не знает достоверно… А вот Черная Бездна наоборот, агрессивна и стремится к тому, чтобы излить первородную Тьму в иные Сферы. Однажды, это едва не произошло…

— Ты имеешь в виду колдовской шторм, уничтоживший империю Ахерона? — уточнил я.

— Да, граф, именно это… Замечу, что тогда в Универсум людей проникла лишь исчезающе малая часть силы Черной Бедны, жалкая кроха ее могущества. Но и этого хватило для того, чтобы превратить половину материка в пустыню, населенную чудовищами и демонами, взявшимися за поголовное истребление людей. Затем Великая Буря неожиданно прекратилась. Спрашивается — почему? Каким образом? Круг Птейона ужу тысячу триста лет бьется над разгадкой этой тайны, но я не скажу, что мы близки к успеху.

— А зачем это вам? — спросил Валент. — Ты же сам сказал, что есть секреты, которых лучше не касаться!

— Нас интересует не магия Кхарии, основанная на использовании силы Бездны, а то, каком образом можно остановить прорывающуюся к нам мощь Нижней Сферы, — наставительно пояснил Тот-Амон. — Никто не спорит: Черный Круг Стигии хочет видеть в этом мире свой порядок, отличающийся от вашего, но нас интересует именно порядок, а не разрушение Универсума… А теперь представьте, что произойдет, когда связанная столетия назад великая Буря вновь вырвется на свободу! Кхарийцы были куда более могучи, чем все ныне существующие магические конклавы вместе взятые, но защититься от катастрофы не смогли.

— И тем не менее колдовской шторм был остановлен?

— Нет. Он был всего лишь посажен в клетку, подобно дикому зверю. Никто не знает, кто это сделал — уцелевшие маги Кхарии, молодые боги Хайборийского мира или последовало прямое вмешательство из Верхней Сферы… Я склоняюсь ко второй версии, но доказательств нет. Я молил Сета дать ответ, но великий бог молчит, словно боится открыть истину…

— Колдуны Черного Круга решили, что могут невозбранно пользоваться забытой магией и не допустят ошибок кхарийцев, — мрачно сказал Валент. — Но мы понимаем: даже самая незначительная ошибка приведет к катастрофе, которая испепелит наш мир. Ты предлагаешь объединиться и уничтожить Черное Солнце? Вырвать ядовитый сорняк с корнем?

— Абсолютно верно, — медленно наклонил голову Тот-Амон. — Только это уже не сорняк, а целая поросль… Я хочу знать о том, что известно вам, а я в ответ раскрою секреты,

ставшие известными Кругу Птейона.

— Кертис? — Валент посмотрел на меня. — Думаю, стоит начать с твоего недавнего приключения? Расскажи достопочтеннейшему Тот-Амону о тех людях… или нелюдях, с которыми тебе пришлось недавно встретиться.

Скрывать мне было нечего. Тем более, я отлично понимал, что иметь на своей стороне такого союзника как Круг Птейона во главе с самим Тот-Амоном — это значит выиграть войну. Главное — быть крайне осторожным, ибо стигиец всегда действует к собственной выгоде. Нельзя давать ему никаких конкретных обещаний или делать уступки. Если воюем вместе — отлично, но только на равных. А после победы — расходимся в стороны, каждый по своей дороге, ничего не выпрашивая друг у друга.

— Удивительно, — покачал головой Тот-Амон, выслушав мои излияния. — Никогда прежде не слышал о таких существах, хотя смею полагать, что знаю многое… Так они сказали, что являются настоящими людьми, граф? Только внешность изменилась благодаря обретению неких знаний?

— Совершенно верно.

— Я прикажу слугам перерыть все библиотеки Стигии, — решительно сказал колдун. — Да, наши книгохранилища обширны, всех рукописей не изучишь даже за сотню жизней, но добьюсь результата, клянусь клыками Сета! Но вернемся к делам… Значит, Алый Орден определил местонахождение Пиррофлагалона? И вы собираетесь напасть там на магов Черного Солнца?

— Таковы планы, — ответил Валент. — К сожалению, мы не сумели придумать ничего лучшего.

— Хоть что-то придумали… — усмехнулся стигиец. — Отлично. Я направлю вам в помощь моего лучшего и любимого ученика. Кстати, месьор Гвайнард с ним встречался.

— Разве? — не понял Гвай. — Признаться, у меня нет знакомых среди колдунов Стигии.

— Вспомни, одиннадцать лет назад, в Бритунии. Точнее, в вольном баронстве Лотар. Тогда Ночная Стража вмешалась в одну любопытную историю, связанную с необычной находкой в Железном Лесу…

Гвай внезапно покраснел до корней волос — он плохо умеет скрывать свои эмоции. Такое впечатление, что он смутился и чувствует себя виноватым.

— Это ведь вы с Конаном подбросили тогда двух джерманлов Тот-ан-Хотепу? — фыркнул стигиец. — Когда мне стало ясно, что это ваших рук дело, я был готов своими руками придушить и киммерийца, и всех его приятелей-охотников!

— Кто такие «джерманлы»? — шепнул я на ухо Валенту.

— Потом объясню…

— Зачем же потом? — у Тот-Амона оказался очень острый слух и он повернулся к нам. — Это небольшие, ныне почти вымершие существа, обладающими врожденными и крайне необычными магическими способностями. Смысл их бессмысленной жизни состоит в извращении чужих заклинаний, наложенных на волшебные артефакты. Один такой мерзавчик способен испортить самый могучий артефакт, начиная от кольца мага, — стигиец продемонстрировал перстень в виде змейки, украшавший указательный палец на левой руке, — и заканчивая такими редкостями, как «Сфера Жизни»… Благодаря месьору Гвайнарду и Конану Канах двое джерманлов очутились в моей личной сокровищнице и устроили там такой разгром, что вспомнить страшно! Впрочем, я не держу зла — охота на маленьких чудовищ оказалась забавной и мы бы не справились без помощи Ночной Стражи… Забудем.

— Ты говорил о возможной помощи, — напомнил Валент.

— Да, верно. Вы отлично понимаете, что мое появление в Аквилонии невозможно по многим причинам. Но Тот-ан-Хотеп никогда не ссорился с королем Трона Льва. Кроме того, Конан и мой помощник обязаны друг другу жизнями и не испытывают взаимной неприязни. В Тарантию отправится именно Тот-ан-Хотеп. — маг проницательно взглянул не меня. — Надеюсь, никто не против?

— Постараюсь уговорить барона Гленнора, — легкомысленно отозвался я, отлично зная, как отнесется к подобному визиту любимый начальник. Гленнор смотрит на Круг Птейона с необычайной настороженностью и имеет к тому все основания.

— Более того, я продумал еще несколько скромных интриг, способных заставить авантюристов из Черного Солнца выйти на поверхность, под лучи солнца настоящего, — заявил Тот-Амон. — Разговор предстоит весьма долгий, а потому я приглашаю вас, месьоры, остаться в замке на ночь. Разумеется, мои слуги предоставят каждому из гостей все, что он только пожелает…

— Остаемся, — Валент принял решение за всех. — Но… Могу я спросить, почему встреча была назначена именно здесь?

— Круг Птейона владеет множеством тайных убежищ на пространстве от Асгарда до Иранистана, — отмахнулся Тот-Амон. — Эль-Башем оказался ближайшим к Арелате. Здесь безопасно, нет чужих глаз и даже пастухи стараются не приводить овец так высоко в горы. Если вы не устали от моего общества, давайте, однако, продолжим — надо обсудить множество мелочей, от которых будет зависеть судьба всего предприятия…

* * *

Мы покинули Эль-Башем после полудня следующего дня. Меня в немалой степени интересовало, каким образом Тот-Амон вместе с охраной и слугами собирается возвращаться в Стигию через весь Коф, Хорайю и пустыни Шема, но Валент намекнул, что столь могущественный колдун уж как-нибудь изыщет способ не тратить на дальнюю дорогу несколько седмиц и я замолчал. Магия, все-таки, исключительно полезная вещь. Если, конечно, применять ее к месту и ко времени, причем не злоупотребляя.

— Встретимся мы не скоро, — напутствовал нас грозный стигиец. — Возможно, в будущем не увидимся вовсе. Но давайте в будущем помнить об услугах, оказанных друг-другу.

С тем Тот-Амон развернулся и быстро ушел в темноту подземного коридора. Нам осталось лишь забраться в седла и отправиться в обратный путь, к Арелате.

Я вполне обоснованно ожидал, что в городе нас встретят недружелюбно, но трое всадников беспрепятственно прошли через усиленные за последние дни посты стражи и добрались до «Горного Орла», где были встречены радостными взглядами никуда не исчезнувших фатаренских шпионов. Вышколенная прислуга постоялого двора «для благородных» немедля бросилась расседлывать наших лошадок, а мы сразу направились в комнаты.

Хальк с самым унылым видом восседал за столом, заваленным горой пергаментов. Джигг обретался тут же — камердинер барона Юсдаля невозмутимо просматривал бумаги,

раскладывая их в четыре отдельных стопочки.

— Явились? — Хальк направил на нас затравленный взгляд. — Надо полагать, отдыхали за городом, средь зеленых рощ и звенящих ручейков? Ничего, в ближайшие дни я не позволю вам даже выйти за ворота гостиницы — будете разгребать вот это…

И он с ненавистью посмотрел на пергаменты.

— Нас никто не искал? — поинтересовался Гвайнард.

— Заходил капитан стражи, спросил… Я ответил, что вы отправились на охоту. Больше вопросов не было.

— Господин граф, месьор Валент, месьор Гвайнард, не желаете ли отужинать? — Джигг оторвался от бумаг и вышел на середину комнаты. — На кухне приготовлен замечательный жареный поросенок, тушеные в остром соусе овощи, булочки с медом и старое коринфское вино урожая 1282 года… Я бы особо рекомендовал восхитительный кхитайский рис с шафраном и перцами.

— Отлично! — просиял Гвайнард. — Передай служкам — пусть все эти вкусности тащат сюда! И побольше! Горный воздух располагает к плотному ужину.

— Как будет угодно благородным господам, — поклонился Джигг, со времени нашего появления в Арелате принявший на себя заботы не только о Хальке, но и обо всей компании аквилонских авантюристов. — Почтенный Валент, я осмелюсь сообщить, что в комнатах на первом этаже вас дожидается некий господин с Полудня, прибывший в столицу сегодня днем. Он настаивал о встрече.

— Что за господин? — Валент мигом сделал охотничью стойку. — Как выглядит?

— По одежде и манере держаться он похож на шемита, но опыт мне подсказывает, что сей незнакомец является уроженцем Стигии… Прикажете подать ужин незамедлительно?

Глава 5
ПЕРВЫЙ РАССКАЗ ГЛЕННОРА
«Молнии над Тарантией»

13-14 дни третьей осенней луны 1296 г.
Тарантия, Аквилония.

Не стану утверждать, что сейчас Аквилония находится на грани катастрофы, бывали времена похуже и пострашнее — взять хотя бы последние полгода правления Нумедидеса, когда государству и впрямь грозили скорый развал и кровопролитная гражданская война. Тогда решительные действия Пуантенских герцогов, Латераны и наемной армии Черной реки смогли устранить угрозу вместе с самим Нумедидесом и сворой прикормленных им псов, терзавших страну, трон занял Конан Канах и мы постепенно вступили в эпоху относительного благополучия.

Конечно, серьезные неприятности случались и за минувшие восемь лет правления Конана — слишком уж беспокойны государь достался Аквилонии. Но к его чести стоит сказать, что в большинстве бедствий был виноват не киммериец, а силы природы, магии или обычное недомыслие правителей сопредельных держав. Мы успешно выиграли три крупных войны, сумели помочь нашим немедийским соседям разобраться с крайне запутанной и донельзя опасной историей Алого Камня, пережили ставшую легендарной Полуночную Грозу, заперли пиктов в их непролазных чащобах за Черной Рекой, надолго отбив у серокожих дикарей желание соваться на аквилонские земли, начали восстанавливать уничтоженный при прошлом правлении морской флот…

Словом, царствование Конана можно уже сейчас признать если не великим, то удачным. Если так дела пойдут и дальше, что «варварский король» через столетия будет упоминаться наравне с Сигибертом Завоевателем — самым знаменитым государем Трона Льва. Хотя, Конану доселе не достает серьезности и прозорливости Сигиберта, слишком уж горяч. А такая горячность может выйти боком, как в истории с Толозой.

Я тогда сказал королю, что торопиться не следует, мятеж подавить мы всегда успеем — какая разница, падет столица бунтовщиков через одну седмицу, или через три? Сначала необходимо собрать все доступные сведения о войске мятежников, об их запасах продовольствия, возможностях в области магии, перекрыть пути, по которым фатаренам доставляется золото… На подготовку к войне уйдет больше времени, но тогда и победа окажется более близкой.

Конан не послушался — он рвался в бой, желая немедля выручить осажденного в цитадели Толозы графа Люксэ и его людей, а заодно показать этому мерзавцу Раймону где раки зимуют и навсегда отбить у дворян Полудня охоту бунтовать. Небольшое гвардейское войско числом чуть больше четырех тысяч человек отправилось в Пуантен, лихо захватило Толозу, но уже через несколько дней было вынуждено бросить обоз и спешно отступить по реке аж в герцогство Шамарское.

В этом поражении есть и моя вина — надо было проявить настойчивость и остудить слишком горячие головы. И, разумеется, Латерана была обязана обратить пристальное внимание на фатаренов задолго до того, как ересь вышла за пределы Коринфии и стала

непосредственно угрожать Трону Льва. Еще минувшей весной я полагал, что новое вероучение прекратит существование само собой — уж больно туманными и противоречивыми были выкладки проповедников. Однако, вскоре выяснилось, что секта имеет сложную и весьма действенную иерархию, что фатарены запустили свои волосатые щупальца в область политики, торговли и магии, и что учение пророка Мэниха оказалось весьма привлекательным как для высших, так и для немытых простецов.

Как раз только что мне принесли «экстракт» из донесений конфидентов Латераны, действующих на Полудне — в Зингаре, Коринфии и Пуантене. Если королева Чабела борется с сектой вполне успешно, не стесняясь в выборе средств и методов, то у нас и короля Нимеда дела совсем плохи… Коринфия отвергла немедийский протекторат, теперь там свой король (кстати, я об этом узнал первым, задолго до того, как гонцы развезли эту весть по всем восьми сторонам света). В Пуантене все до единого графства полуденнее реки Арье бунтуют, фатарены начали появляться и в ленных владениях Просперо, который не вылезает из Гайарда, пытаясь остановить распространение ереси.

Если ход событий вскоре не будет переломлен в нашу пользу, Закат станет свидетелем появления нового и весьма обширного государства — конфиденты докладывают, что при дворе графа Раймона Толозского ходят разговоры и том, что неплохо бы принести вассальную присягу Амори Ибелену, одному из вождей фатаренов, нацепившему коринфийскую корону. Если это произойдет, то «фатаренский пояс» протянется на сотни лиг, от восходного берега Алиманы, до границ Заморы, а это будет означать, что от Аквилонии, Немедии и Офира отложатся земли междуречья Тайбора и Красной, потеря которых вызовет крах устоявшихся за столетия торговых связей…

Пока еще ситуацию можно разрешить в нашу пользу — мгновенными ударами рассечь пораженные заразой области и перебить мятежников поодиночке, прижать их отряды к горам и безжалостно перерезать. И не надо упрекать меня в кровожадности — последствия образования «страны фатаренов» окажутся куда более тяжелыми.

Сейчас Конан собирает армию в герцогстве Шамарском, почти под боком графа Раймона — войску надо будет лишь переправиться на другой берег Хорота. Однако, место для сбора выбрано е самое удачное — летучие отряды врага, пришедшие из Немедии и Коринфии в любой момент могут атаковать гвардию, что приведет к серьезным потерям: мятежники используют гигантских птиц, воевать с которыми мы пока не умеем.

Я доселе непроизвольно морщусь при упоминании разгрома, который учинили фатарены двум нашим «горным легионам», шедшим в графство Толозы на помощь королю. Дознание показало, что птиц было всего тридцать две и поддерживал их отряд конницы в четыреста или четыреста пятьдесят мечей, однако столь небольшими силами мятежники сумели нанести Аквилонской пехоте неслыханный урон! Конечно, метаципленариев можно заманивать в «волчьи ямы» или бить из луков по глазам птиц, но всю Аквилонию такими ямами не покроешь, а во время нападения этих пернатых гигантов лучники не смогут стрелять прицельно…

Ничего, разберемся мы и с метаципленариями, только время дайте. Сейчас меня куда больше заботит другая проблема — Черное Солнце. По сравнению с фатаренскими магами самый жуткий метаципленарий покажется вам белокрылым голубком, воркующим на крыше садовой беседки.

* * *

— Итак, каковы первые впечатления от нашей очаровательной пленницы? — спросил я у Тотланта, когда он ввалился в мой кабинет, утер рукавом пот со лба и повалился в кресло. — Крепкий орешек, верно?

— Вы, барон великий мастер преуменьшать, — огрызнулся Тотлант, и шепнул под нос несколько таких словечек, какие и от Конана, пребывающего в состоянии крайнего душевного волнения, не всякий раз услышишь. — Настоящая ведьма из страшной сказки!

Соглашусь с волшебником — баронесса Астер не столь давно доставленная каттаканами из Коринфии была отнюдь не подарочком. Разумеется, мы с самого начала предприняли надлежащие меры предосторожности: магичку поместили в камеру отделанную серебряными плитками и защищенную простенькими, но действенными заклинаниями, пальцы госпожи Астер были скованы особыми кандалами, тоже сделанными из серебра, до разговоров с ней допускались только подготовленные и опытные люди, наподобие престарелого мэтра Савердена, главного советника Латераны по вопросам колдовства. Саверден, формально, магом не являлся — он не входил ни в один из орденов, никогда не учился у настоящих волшебников, но способностями обладал изрядными. А кроме того, старый прохвост был очень умен и хитер.

И все-таки после первого же разговора с прелестной баронессой мне пришлось отпаивать мэтра легким вином — проклятая ведьма едва не довела Савердена до удара, не то силой внушения, не то своей стервозностью, превосходящей все виданные мною прежде примеры. Женщины, особенно потерпевшие неудачу в любви и отдавшие силы политике или магии всегда тяжелы в общении, но попавшийся нам экземпляр был настоящим уникумом, истинная кобра в человеческом обличье. Дело дошло даже до того, что приставленный к ней глухонемой надзиратель отказался исполнять свои обязанности, написав мне крайне эмоциональную записку — она каким-то образом и его ухитрилась вывести из себя…

Чего мы только не перепробовали — ласковые уговоры и обещания золотых гор с алмазными ледниками, настойчивы просьбы с недвусмысленными намеками на то, что если госпожа не перестанет запираться, то Латерана будет вправе оказать на нее «давление», обычно выражающееся в вульгарных, но действенных и проверенных временем методах — от заколачивания иголок под ногти, до расплавленной смолы, вполне способной изрядно попортить ее нежную девичью кожу. Бесполезно! Она ничего не боялась, шипела как змея, скандалила, пыталась кусаться и пинаться, отказывалась от еды, оскорбляла всех, кого видела и вообще вела себя непристойно.

Хуже было другое: колдовать баронесса не могла по вполне понятным причинам — никакой маг не способен творить заклятья, если у него скованы серебром руки, это непреложный и нерушимый закон, известный с древнейших времен. Однако, ведьма могла оказывать на окружавших ее людей некое иное воздействие, наподобие внушения. Из всех моих подчиненных, работавших в подземной тюрьме, устроенной в подвалах поместья, невосприимчивым к этому оказался только Жайме из Карташены — милейший человек, уже семь лет являвшийся нашим лучшим палачом.

Жайме переманив в Латерану граф Кертис, впервые встретившийся с зингарцем на Черной Реке, где тот служил в наемном войске Пуантенских герцогов. Выяснилось, что

Жайме в прежние времена долго и успешно трудился на поприще палача в морской управе дознания Зингары — эти месьоры занимаются искоренением пиратства на Полуденном побережье. Жайме пришлось покинуть любимую работу из-за непростительной ошибки — получил взятку и попался. Пришлось бежать на Черную Реку, где могучий карташенец моментально был принят в армию наемников.

Кертис положил глаз на бывшего палача не только из-за его опыта. Дело в том, что у Жайме была весьма примечательная внешность — я в жизни не видывал таких страшилищ! Обликом зингарец напоминал человека лишь весьма отдаленно, скорее он вылез в наш мир из леденящей кровь легенды о вурдалаках

Ростом он был очень высок — локтей пять с половиной. Узловатые лапищи, даже пальцы которых покрыты густым вьющимся черным волосом и чудовищно изуродованное лицо — Жайме в молодости получил сильнейший ожог на пожаре. Большая часть лысого черепа представляла собой сплошной фиолетовый рубец, этот же шрам покрывал лоб слева, оставляя для затянутого бельмом глаза неприятную узкую щель, распространялся на щеку и часть шеи — кожа возле губ была стянутой ожогом и у зингарца были постоянно видны желтые обломанные зубы. Правый глаз был двуцветным — половина радужки пронзительно-черная, вторая почему-то голубая. На правой руке шесть пальцев. Некое подобие бороды росло только на здоровой щеке и куст жестких волос свисал до груди, напоминая драный конский хвост.

Словом, темный ужас. Однако, если забыть о внешности зингарца и взглянуть, так сказать, за фасад, выходило, что Латерана приобрела в его лице замечательного палача, исполнительного, безоговорочно верного и не склонного к лишним разговорам с посторонними людьми. Более того, в обычной жизни Жайме являлся добродушным и веселым человеком, отцом изрядного семейства — он еще на Черной Реке взял в жены маркитантку, от которой прижил на сегодняшний день аж семерых очаровательных детишек. Человеческая душа — потемки!

Так вот. Магия внушения на Жайме вообще не действовала, что было проверено много раз, задолго до появления в Латеране нежданной гостьи из Коринфии. Мэтр Саверден выяснил это самолично — он владел надлежащими способностями. Объяснить невосприимчивость Жайме можно было только наличием «печати богов», в виде двуцветного черно-синего глаза, но копаться в этой загадке у нас с Саверденом не было ни времени, ни желания. Так оно даже лучше — по крайней мере существует уверенность, что Жайме никто и никогда не сможет переманить на вражескую сторону.

Ныне с баронессой Астер занимался только зингарец — носил ей еду, убирал в камере, со спокойствием каменного идола выслушивал потоки оскорблений, а когда потерявшая терпение ведьма попыталась открыто его соблазнить, Жайме только посмеялся, чем окончательно вывел магичку из себя…

Тотланту сегодня тоже досталось — по лицу видно. Настроение стигийцу испорчено на несколько дней вперед.

— Я поставил защиту, но она сумела пробить щит, — сказал Тотлант, после долгого молчания. — И это была не магия. Никаких заклинаний ключа, все было проще и сложнее одновременно. Я не понял, каким образом заключенная в баронессе Астер сила проникла через защитное заклятье. Если сравнивать, то это было похоже на воду, просочившуюся сквозь ткань. Ведьма запросто начала копаться в моих мыслях, очень неприятно… Пришлось позвать Жайме и уйти.

— Но хоть что-то понять ты сумел? Что она такое?

— Баронесса Астер, на мой взгляд, одержима. Одержима демоном. Иных объяснений не найти.

— А если подробнее?

— Подобные случаи описаны, я бы посоветовал вам найти сочинения Орибазия Достопочтенного или митрианского жреца Афрания Нумалийского. Если говорить кратко, то получается, что душу баронессы замещает некогда вызванный ею демон. Тварь из иной Сферы полностью овладевает человеком, превращая его в своего раба. Тут нужен не волшебник, а жрец — вы же сами знаете, барон, что существует огромная разница между магией и клирицизмом!

— Конечно же! — воскликнул я. — Маг использует собственную силу, а жрец лишь является проводником силы божественной. Для того, чтобы изгнать демона, требуется вмешательство воли богов, которую направит жрец… Раньше надо было догадаться! Стража! Немедленно вызовите ко мне мэтра Савердена!

Явился Саверден, как всегда излучая уверенность и безмятежность. Если посмотреть на детские голубые глаза мэтра, светящиеся невинностью и любопытством младенца, познающего мир, то покажется, что перед вами стоит добрый дедушка полудесятка внуков, мастер рассказывать сказки и любитель посидеть в приличной таверне за чарочкой вина с такими же главами уважаемых семейств. Очень обманчивое впечатление! Если однажды отыщется биограф, способный составить подробное жизнеописание моего советника по магии, то сей трактат окажется куда более захватывающим, чем наиболее известные сочинения Стефана Короля Историй!

— Саверден, в Тарантии можно отыскать митрианского жреца, способного изгонять демонов, овладевших человеком? — напрямую спросил я. — Меня не интересуют ожиревшие монахи, которые за всю жизнь не прочитали и строчки из «Наставлений» святого Эпимитриуса, я хочу видеть настоящего жреца…

— Митрианцы? — мэтр воздел очи к потолку. — Пожалуй, осененного истинной благодатью Вечного Солнца жреца сейчас мы не отыщем — большинство из них откликнулись на призыв Доменика Кордавского и отбыли на Полдень, искоренять фатаренское зломыслие. Настоятеля главного храма Тарантии Хродомера я звать не советую — он отличный управитель, но божественным светом не владеет.

— И зачем, спрашивается, мы кормим эту ненасытную ораву бездельников? — вздохнул барон Гленнор. — А если поискать в провинциях? Жрецы сельских храмов Митры весьма отличаются от своих столичных собратьев благочинием и истинным богопочитанием!

— Насколько я понимаю, речь идет о баронессе Астер? — уточнил мэтр. — Значит, она все-таки одержима? Что ж, для меня это было почти очевидно с самого начала. Хочу спросить, господин барон: а почему вам потребен исключительно митрианский жрец? В нашем мире существует множество иных, не менее могучих божеств.

— И что ты предлагаешь? — насторожился я.

— Можно позвать Ивонну из Танасула, нынешнюю великую жрицу Иштар из храма Белой Розы, что в квартале Медников. Вы же сами помните, как она четыре года назад сумела избавить Тарантию от Духа Реки…

Да, верно, была такая история — она даже удостоилась занесения в «Незаконную Хронику» Халька Юсдаля.

— Пошлите за госпожой Ивонной, немедля! — приказал я. Саверден поклонился и

скрылся за дверями кабинета. Вместо него на пороге появился один из охранников:

— Ваша милость, завтрак готов. Прикажете принести?

— Давайте, — кивнул я, решив, что нам с Тотлантом после бессонной ночи следует как следует подкрепиться.

Латерана, мое обширное загородное поместье, одновременно являющееся главной резиденцией тайной службы, архивом и тюрьмой для преступников, особо отличившихся на ниве нарушения законов Аквилонии, является неким подобием уединенного замка, стоящего в горах. Тут есть все, что необходимо для жизни, от весьма обширных запасов продовольствия, до арсенала и конюшен. На кухне всегда суетятся два десятка доверенных поваров — им приходится кормить почти сто пятьдесят постоянных обитателей Латераны, включая охрану и заключенных тюрьмы.

Аркон, мой камердинер (и одновременно телохранитель) вместе с двумя слугами рангом пониже быстро сервировал стол и пригласил нас с Тотлантом к трапезе. Сам Аркон остался в кабинете — прислуживать.

— Странная погода нынче, — как бы невзначай сообщил камердинер, подавая мне серебряную тарелку с ножкой фазана. — Прямиком после рассвета тучи наползли.

— Что ж ты хочешь, поздняя осень на дворе, — ответил я. — Будь добр, передай пшеничный хлебец…

— Осень не осень, но таких вот облаков я в жизни не видел, — упрямо продолжил Аркон. — Как хотите, ваша милость, а не нравятся мне небеса над Тарантией…

Я непроизвольно посмотрел в сторону окна, закрытого плотными парчовыми шторами. Будто в подтверждение слов Аркона снаружи донесся тяжелый раскат грома.

— Ночью, кстати, шел снег, — добавил Тотлант. — И было довольно холодно. Сейчас не может быть грозы!

— А ну-ка пошли на улицу, — я отодвинул тарелку и встал. — Аркон, подай плащ! Благодарю.

Мы втроем вышли в коридор, миновали два поста охраны, спустились на первый этаж в отделанный мрамором и малахитом холл и выбрались на высокое крыльцо главного здания поместья. Что характерно, здесь уже находились не меньше десятка моих подчиненных в разных званиях, от убогого канцеляриста до департаментского советника.

Первое, что меня поразило — это окутавший Латерану сумрак. Время подходило к полудню, даже при самой низкой облачности должно быть очень светло. Но над окрестностями столицы лежали густые сумерки, я даже не сумел разглядеть шпили загородного дворца канцлера Публио, выстроенного в четверти лиги от Латераны. Обычно этот образец безвкусицы и пошлой роскоши был виден отовсюду.

Наш нашими головами бурлила иссиня-черная туча, куполом накрывшая огромное пространство над городом и окрестными землями. Просвет виднелся только далеко на Закате и Полуночи. Аркон был совершенно прав: это явление очень мало напоминало обычные облака, скорее над нами расстилался густой дым от горящей смолы. В глубине тучи посверкивали синеватые искорки молний.

— Тотлант, что это такое? — я потеребил зачарованного невиданным зрелищем волшебника за рукав. — Магия?

Стигиец ответить не успел. Всем нам пришлось зажмуриться после ярчайшей белой вспышки — молния ударила совсем рядом, возле ворот поместья, если не в сами ворота. Уши на несколько мгновений заложило, настолько силен был громовой раскат. Перед глазами

стояло розоватое пятно, мешающее зрению.

— Смотрите, смотрите, что это? — вдруг заорал тот самый канцелярист, которого я встретил по выходу на крыльцо виллы. — Вон там, около деревьев!

Мы дружно уставились в указанном направлении. Кто-то сдавленно охнул.

На самом краю обширного парка Латераны обозначилось неясное шевеление — во мраке было нелегко рассмотреть, что именно там происходит, но вскоре я понял, что к зданию движется некое крупное животное, смахивающее… Быть не может! Что за чепуха? Откуда тут взяться льву, тем более совершенно необычной черной окраски? Да и на настоящего льва сей необычный зверь смахивает лишь весьма отдаленно, скорее он походит на геральдические изображения — раздвоенный хвост, необычно крупные когти на лапах… И корона на голове!

— Ваша милость, это же изваяние… — выдавил стоявший за моим плечом Аркон, первым догадавшийся в чем дело. — То самое, что на воротах стоит!

Точно! Ажурную решетку на въезде в Латерану украшают два гранитных столба, венчаемые скульптурами черного металла в виде королевских львов Аквилонии. Установили их еще при короле Вилере и вот уже четверть века грозные львы сторожили поместье. Ничего магического в скульптурах не было — отливали статуи в мастерских при Обители Мудрости еще на моей памяти, и я раньше не слышал о том, чтобы самые обыкновенные изваяния ни с того, ни с сего вдруг оживали! Конан мне как-то рассказывал истории об ожившей статуе Дагота и острове Железных Идолов, каковые имели скверную привычку бродить по ночам, но это же совершенно другое дело!

— Тотлант! — снова воззвал я, поскольку необычное существо уже находилось в пятидесяти шагах от дома и вид имело самый недружелюбный.

Маг растирал ладони и я понял, что лучше отойти подальше — главе тайной службы Аквилонии не следовало нарываться на глупую смерть от когтей и зубов живой статуи или оказаться под градом огненных стрел!

Тут как раз проснулась охрана — на улицу выскочили несколько «Беркутов» из числа моей личной охраны и замерли вокруг, ощетинившись клинками. Аркон настоятельно посоветовал вернуться в дом, но только отмахнулся…

Тотлант действовал быстро и без суеты. Уж не знаю, какое заклятье он применил на этот раз, но изготовившийся к прыжку лев вдруг окутался облаком холодных бесцветных огней и повалился на жухлую траву, припорошенную недавним снегом. Дорожка ко входу в поместье была вымощена булыжниками и все мы явственно расслышали как металл ударил о камень.

— Постойте пока здесь, — бросил Тотлант через плечо, сбежал вниз по лестнице, осторожно подошел к лежащему на боку зверю и потыкал в его носком сапога. Статуя не шевелилась, если такое вообще можно сказать об изделии человеческих рук из холодного металла.

Неожиданно стало светлее — жуткая туча начала быстро рассеиваться, ветер уносил истаивающие клочья черного тумана на Полуночный Закат. Спустя четверть квадранса мы увидели самое обычное небо, покрытое серо-белыми облаками. Теперь я мог поверить, что на дворе полдень…

В сопровождении безмолвных «беркутов» я подошел к магу, озадаченно рассматривавшему металлического льва. То, что изваяние действительно некоторое время жило своей жизнью под сомнение не ставилось — изменилась его форма, теперь некогда сидевший лев валялся на земле, раскинув лапы.

— И как прикажешь такое понимать? — повернулся я к Тотланту.

— Не знаю, — покачал головой стигиец. — Посмотрите на колонну у ворот — на расколота и оплавлена после удара молнии! Наблюдавшееся нами явление отдаленно походило на Бурю Перемен, но присутствия чужой магии я не ощущал. И кроме того колдовская буря изменяет все предметы, до которых дотрагивается — неуправляемая магия крайне опасна, ей подвластны как живые существа, так и мертвый камень или металл… Молния коснулась и льва, и колонны, но лев ожил, а гранит только лишь треснул и частично расплавился.

— Как ты… э… убил зверя?

— Ничего сложного. Это азы магии Равновесия — заклинание призвано возвращать любому предмету его истинную форму и материальную сущность, если таковые нарушены волшебством или иными силами. Но, признаться, я не думал, что заклинание сработает. Не было тут магии! Никакой!

— А что же было? — — озадачился я.

— Можно предположить, что волшебство содержалось в самой молнии и действовало мгновенно, так, что я не успел заметить. Впрочем, данную версию придется отвергнуть: каждый волшебник нашего ордена способен почувствовать возмущение магического поля, даже самое слабенькое…

— Очень, очень странно, — проворчал я. — И мне эта история не нравится. Сначала появляется невиданная прежде туча, потом оживает статуя… Никогда не слышал ни о чем подобном!

— Рано как и я, — согласился Тотлант. — Не исключено, что мы наблюдали некое проявление божественного гнева, но какая именно Высшая Сила устроила этот загадочный спектакль, я ответить затрудняюсь. Равно как не могу назвать и причину.

— Разберемся, — без всякой уверенности в своих словах ответил я. — Охрана! Распорядитесь, чтобы ворота починили как можно быстрее и уберите отсюда это… этого… зверя. Тотлант, ты собираешься ехать в Тарантию? Хочу попросить тебя остаться на время в Латеране. У нас отыщется свободная и уютная комната, там можно будет отдохнуть — после столь долгой ночи необходимо поспать. А ближе к вечеру мы продолжим разбираться с делами.

— Хорошо, — кротко согласился стигиец. — Пусть меня проводят. Кроме того, мы так и не закончили завтрак из-за этой кутерьмы, а в животе пусто, как в кармане нищего…

* * *

Ко времени, когда начало смеркаться мой рабочий стол оказался завален донесениями доставленными как из Тарантии, так и соколиной почтой, причем последние приходили исключительно из полуночных провинций — Гандерланда, герцогства Танасульского и из Галпарана. Нынешним утром в большинстве городов, расположенных между столицей и киммерийскими горами произошли события, аналогичные тем, что мы наблюдали в Латеране и черные грозовые облака вызвали если не смятение, то изрядную озадаченность подданных Трона Льва.

Во-первых, в самой Тарантии молнии повредили несколько зданий, причем так, что восстановлению они не подлежали. Не думайте, пожаров не было. Например, дом купца Торвальда, что продает редкие меха после удара молнией внезапно рассыпался в песок — причем в песок белый, кварцевый, из которого льют стекло. По счастью никто не погиб — сам торговец и двое его подручных ухитрились выбраться из песчаной кучи самостоятельно. Большой склад кожи в речной гавани тоже был поражен небесным огнем, но в данном случае громадный бревенчатый лабаз самым неожиданным образом пустил корни и обзавелся многочисленными зелеными ветками — теперь склад напоминал титаническую ель необычной формы. Две каменных горгульи с крыши замка короны вдруг ожили, поднялись на крыло и улетели в неизвестном направлении — по донесениям, в сторону леса Руазель. И так далее… Всего насчитывалось девятнадцать случаев подобного наваждения.

Во-вторых, необычные облака наблюдались еще в девяти городах к Полуночи от Тарантии, включая столицы Великих герцогств. Как вы правильно догадались, и там не обошлось без непонятных чудес, о которых в спешных письмах повествовалось крайне скупо — много ли напишешь на крошечном клочке пергамента, который понесет почтовый сокол? Полагаю, развернутые доклады будут доставлены в Латерану с гонцами через несколько дней — всадник не может лететь с быстротой птицы, преодолевающей многие десятки лиг между Танасулом и Тарантией за время от полудня, до заката…

Объяснить причину сего явления не смог никто: я даже отправил человека к Озимандии Темрийскому — магу конклава Золотого Лотоса, числящемуся «придворным волшебником» при короле Конане. Озимандия именно «числился», поскольку был до неприличия стар, да и киммериец решил, что настоящий королевский двор без собственного волшебника будет несколько неполноценным: у всех королей дворцовые маги есть, а в Аквилонии нету? Не пойдет! Выбор был вполне сознательным: учитывая возраст темрийца и его нежелание участвовать в государственных делах, Озимандия оказался идеальной кандидатурой на этот пост. Волшебник жил в подаренном королем замке неподалеку от Тарантии, по мере сил занимался магией и в городе появлялся крайне редко, только для участия в важнейших государственных церемониях.

Озимандия незамедлительно ответил, что сам теряется в догадках и постарается посоветоваться в Пелиасом из Кофа. Но тем не менее он почти уверен, что все происшедшее не несет государству ничего хорошего.

Вот как? Отлично! Давайте извлекать выгоду даже из неприятностей и загадок. Я незамедлительно отдал приказ конфидентам Латераны и нашим управам в других городах о том, чтобы они начали распространять слухи о зловредных колдунах фатаренов, вызвавших эту напасть. Народу требуется зримый враг, на которого можно будет обратить свой гнев.

Если такие вот непонятные грозы будут продолжаться (а я в этом почти уверен), через несколько дней мы устроим показательные казни. Конечно, настоящих колдунов в нашем распоряжении пока нет (баронесса Астер не в счет, с ней Латерана еще поработает), но выдать за злонамеренного чернокнижника любого пойманного разбойника или ворюгу мы сумеем запросто, как бы он не орал на эшафоте о своей невиновности. В конце концов, кто из зрителей станет разбираться в таких мелочах? Вовсе наоборот, верноподданные увидят, что тайная служба действует и король со своими слугами стоят на страже Аквилонии и безопасности простого обывателя!

Нельзя не отметить странность: облака появлялись исключительно над полуночными землями Аквилонии — ни единого доклада из Гайарда, Танасула, Ройла или с полуденных

рубежей о таком явлении я не получил. Дольше всего туча висела над Галпараном — почти три колокола — и причинила множество неприятностей в виде многообразнейших изменений тварной материи. Поневоле подумаешь, что мы столкнулись с некоей невиданной прежде Бурей Перемен, действующей весьма избирательно — меняются только предметы которых коснулась молния. Но почему тогда ни Тотлант, ни Озимандия, ни Саверден не учуяли никакой магии?

К закату я устал ломать голову над этими загадками и позвонил в колокольчик, вызывая Аркона.

— Что угодно вашей милости?

— Жрицу из храма Иштар привезли? — спросил я.

— Да ваше милость, только что. Прикажете позвать?

— Немедленно! И попроси Тотланта зайти — он хоть что-то сможет внятно объяснить…

Ничего не скажу, служительницы у Иштар знатные! В кабинет вплыла (много слова и не подберешь!) пышнотелая красавица в бело-голубой столе с вышивкой золотом и алмазной диадеме, вызвавшей бы зависть у любой королевы. Если верить облику госпожи Ивонны, ей было немногим более тридцати лет, но я знал, что жрица давно пересекла сорокалетний рубеж. И тем не менее выглядит она потрясающе — идеальные формы, золотисто-соломенные волосы, ярко-синие глаза светятся, как два сапфира… А если верить знающим людям, жрица еще и очень умна, что делает ее уникальной женщиной — не часто встретишь столь гармоничное сочетание разума и красоты.

— Прошу, прошу, — я вышел навстречу госпоже и поклонился в соответствии с этикетом. — Ивонна, мы тебя очень ждали…

— Да снизойдет на сей дом благорасположение Совоокой Иштар, — ответила жрица положенным приветствием. — Никогда не думала, что моей скромной персоной заинтересуется сам барон Гленнор, о котором ходит столько слухов.

Ивонна улыбнулась и присела в кресло.

— Надеюсь, не слишком гадких? — усмехнулся я в ответ. — Понимаю, что приглашение в мое скромное поместье для многих может выглядеть несколько зловеще, но только не для тебя, госпожа. Мне нужна помощь.

— Помощь какого рода? — Ивонна нахмурилась. — Это связано с утренними событиями? Сразу отвечу, что эта странная гроза мне очень не понравилась, я ощутила присутствие чужой силы, опасной и незнаемой…

«Ага, значит «чужая сила»? — отметил я про себя. — Маги разобраться не смогли, а вот жрецы… Что там говорил Тотлант о разнице между волшебством и клирицизмом?»

— Значит, мы видели проявление божественного могущества? — уточнил я.

— Сложно ответить, господин барон. Никогда не слышала о том, чтобы хайборийские боги устраивали такие вот незабываемые представления. Молнии обычно извергает легендарный молот Доннара, одного из могучих духов Полуночи, но Доннар здесь не при чем. Эта сила была слишком аморфной, неперсонифицированной, если мне будет позволено употребить столь умное слово. Просто — сила. Существующая сама по себе, однако не имеющая своей воли и разума, кои обязательно присутствуют у богов…

У великой жрицы вдруг вытянулось лицо и она напряженно подалась вперед. Я обернулся и сразу понял причину беспокойства Ивонны: явился Тотлант. Причем стигиец оделся в свой любимый черный балахон, каковой в сочетании с его внешностью сразу

наводит на размышления и тайных капищах Сета, человеческих жертвоприношениях и прочих традиционных для Стигии непотребствах.

— Это Тотлант Луксурский, маг конклава Алого Пламени Равновесия, — я поторопился представить стигийца. — Придворный волшебник кроля Пограничья Эрхарда и друг государя Конана…

— Весьма рада, — прохладно ответила Ивонна.

Было видно, что доверять уроженцу Стигии жрица в любом случае не собирается, будь он другом хоть десятка королей и королев. У иштарийцев с последователями Сета давние и очень глубокие разногласия, переходящие в открытую вражду. Конан как-то рассказывал мне байку о своих приключениях в Шадизаре двадцатипятилетней давности и я начал понимать, что и та, и другая стороны имеют все основания ненавидеть друг друга — история киммерийца повествовала о том, как благодаря интригам некоей верующей в Иштар дамы, имя которой мы здесь называть не будем, Сета Змеенога принесли в жертву тому же самому Сету — хотите верьте, хотите не верьте. Правда, это было лишь его человеческое воплощение-аватара, но тем не менее таковой случай имел место и, как вы понимаете, Сет остался очень этим недоволен. Отлично его понимаю. Неприятно, когда тебя режут на алтаре во славу тебя же самого.

— Я митрианец по исповеданию, — хмуро сказал Тотлант, перехватив недобрый взгляд Ивонны. — И это правда…

— Ты не врешь, что удивительно, — после недолгой паузы сказала жрица. — Нас учат читать в сердцах людей.

— Вот и замечательно! — воскликнул я, стараясь уйти от неприятной Тотланту темы разговора. — Собственно, я пригласил тебя, госпожа, вовсе не из-за появления черных облаков. У нас содержится человек… женщина, которая скорее всего одержима неким духом Тьмы, овладевшим ее телом и разумом.

Я вкратце рассказал историю баронессы Астер, не забыв упомянуть, что именно она являлась хозяйкой монстров-илитидов, коих фатарены наверняка планировали использовать против армий держав Заката. Умолчать пришлось только о каттаканах — не знаю, как иштарийская жрица отнеслась бы к сообщению о том, что глава секретного ведомства Аквилонии якшается с вампирами.

— Любопытно, — покачала головой Ивонна. — Я могу попробовать провести обряд изгнания демона, но мне потребуются помощницы и необходимые принадлежности.

— Можно немедленно отправить за ними в храм Белой Розы, мои люди доставят все, что потребуется.

— Да, но подобные обряды ночью не проводятся, — сказала жрица. — Наилучшее время — рассвет, когда Тьма изгоняется возрождающимся солнцем.

— Очень хорошо, — кивнул я. — Ты можешь переночевать в Латеране, в глубине парка есть отдельный домик для самых уважаемых гостей, я пришлю к тебе служанку, поскольку от слуги-мужчины ты откажешься.

— Моя репутация должна быть безупречной, — фыркнула Ивонна. — Могу я попросить перо и пергамент? Передам младшим жрицам послание через твоего гонца…

Вскоре послание было готово, я кликнул Аркона и отправил его в город.

— Можно взглянуть на вашу пленницу? — спросила жрица. — делать сейчас все равно нечего, а я хотела бы выяснить, не ошибся ли месьор Тотлант, полагая эту женщину одержимой.

— Конечно, мы можем немедля спуститься в подвал, — кивнул я. Стигиец же побледнел и сказал:

— Только без меня! Я лучше посижу в библиотеке — у вас, Гленнор, удивительно богатое собрание книг.

— Знаю, — я подавил смешок. — Барон Юсдаль давно смотрит на книгохранилище Латераны алчным взором и даже пытался выудить у нас наиболее драгоценные раритеты путем самых низких интриг и наушничанья королю, но так ничего и не получил… Госпожа Ивонна, идем со мной. Однако я обязан предупредить: все, что ты увидишь и услышишь должно умереть в тебе.

— Не стоит учить жрицу тому, как хранить тайны, — обиделась Ивонна. — Я отлично понимаю где нахожусь и каковы могут быть последствия моей… гм… нескромности.

Тюрьма Латераны — всем тюрьмам тюрьма! Говорю без преувеличений, поскольку содержать приходится столь опасных типов, что дрожь пробирает при одном воспоминании об их дознавательных делах, хранящихся в архиве. А посему, чтобы пройти в подвал требуется миновать аж целых семь постов охраны, пройти через такое же количество окованных железом дверей и только затем можно очутиться непосредственно в самом узилище. Камеры закрываются наглухо, так чтобы изнутри не доносилось ни единого звука, уютные пыточные расположены здесь же, добавим к тому и «особенные» узилища — вроде отделанной серебром комнаты, где содержалась магичка, «мокрый подвал» (там всегда было по колено ледяной воды) или «крысиную камеру» для особо строптивых — засовываешь туда преступника, и он остается один на дин с несколькими десятками голодных крыс. Спасение можно найти только на высокой приступочке, куда крыса запрыгнуть не может, но и человек удерживается там с огромным трудом. После ночи проведенной в такой вот камере любой упрямец готов сознаться в чем угодно, от прелюбодеяния с собственной прабабкой, до убийства святого Эпимитриуса.

Никакие мы не чудовища и не изверги — такие методы в отдельных случаях куда действеннее вежливых уговоров да и используются спокон веку. По сравнению с кошмарными зинданами Аграпура или Хоарезма у нас заключенные содержатся более чем цивилизованно…

Жайме из Карташены встретил визитеров на пороги комнатки для тюремщиков и сразу вызвал у жрицы легкую дрожь — еще бы, эдакий монстр в человеческом обличье! Мы-то давно к нему привыкли, а вот госпожа Ивонна едва сдерживала отвращение.

— Жайме, друг любезный, открой первую дверь в Серебряную камеру, — попросил я и зингарец молча загрохотал ключами.

Внешняя дверь камеры была самой обыкновенной — толстенные дубовые доски, обшитые железными пластинами. Сразу за ней была установлена дверь-решетка из посеребренных стальных прутьев — через нее можно было подавать еду и наблюдать за постояльцем.

По самым потолком камеры были выбиты четыре ниши, доступ к которым был возможен из соседних помещений: туда ставились яркие зеркальные фонари — здесь всегда должно быть светло. Обстановка скромная — лавка, приколоченные к полу стол и стул и кресло, снабженное ремнями: если заключенный буянит, его всегда можно утихомирить, прикрутив к сиденью. Стены и потолок облицованы плитками из чистейшего серебра. Вообще-то, чтобы устранить опасность от черной магии или нечистой силы достаточно тончайшего серебряного слоя, но я когда-то нарочно заказал плитки с палец толщиной, так

оно надежнее.

Наша гостья из Коринфии не спала — забралась с ногами на стул, обхватила колени руками и сидела себе как курица на насесте, чуть покачиваясь. Длинные темные волосы распущены и закрывают лицо, на пальцах поблескивают миниатюрные браслеты из серебряной проволоки и прочных колец.

— Вы бы отошли, ваша милость, — прогудел Жайме, трогая меня за плечо волосатой лапищей. — А то опять голову дурить примется. Светлой жрице это нипочем будет, а вас госпожа баронесса вполне сумеет заворожить…

Предупреждение было вполне разумным и я шагнул в сторону. Ивонна подошла к решетке.

— Дочь моя, ты слышишь меня?

Означенная «дочь» вдруг сорвалась со своего сиденья с быстротой атакующей змеи, одним прыжком пересекла камеру и попыталась было вцепиться в столу Ивонны. Жайме оказался на месте — палач успел вовремя оттолкнуть жрицу. Передо мной на мгновение мелькнули безумные глаза баронессы, в которых пылал яростный багровый огонь. Мне не показалось — зрачки магички действительно светились!

— Га-а-а! — взвыла ведьма, тщетно пытаясь раскачать решетку, а потом попросту вцепилась зубами в посеребренные прутья. И моментально отпрянула, словно обжегшись.

— Запирай, — коротко сказала Ивонна. Зингарец захлопнул внешнюю дверь и опустил засов.

— Ты что-нибудь увидела? — быстро спросил я у жрицы. — Тотлант был прав?

— Да. В этой женщине заключены две личности — человеческая и демоническая. Если я не ошиблась, бесплотный дух завладел баронессой Астер не столь давно, есть надежда, что Иштар поможет мне изгнать его. Действовать нужно как можно быстрее, на рассвете…

Мы тогда не могли знать, что рассвет так и не наступит.

Эпилог

Государь!

Сим имею сообщить, что Облака Бездны, как было поименовано это явление волшебником Тотлантом появлялись над городами Полуночной Аквилонии ежеутренне на протяжении всей минувшей седмицы, однако к полудню или середине дня исчезали. Постоянно такое облако можно наблюдать лишь в окрестностях Галпарана, по левому берегу Ширки, приблизительно в шести лигах от излучины, от которой начинается торговый путь на Киммерию.

Посланный на разведку отряд галпаранской управы Латераны доселе не вернулся в город и у меня есть все основания полагать, что посланцы попали в беду. Более того, сообщения о появлении Облаков Бездны начали поступать из Немедии и закатных баронств Пограничного королевства, но пока эти случаи редки…

К сожалению, мы не можем оказать никакого противодействия названному явлению — маги Алого Пламени и ордена Золотого Лотоса не в состоянии изгнать Облака, равно как и моления жрецов Митры и Иштар. Вынужден признать, что способов избавления от напасти доселе не изыскано.

Ожидаю распоряжений относительно прибывшего в Тарантию мага Черного Круга Птейона именем Тот-ан-Хотеп, о котором я докладывал в предыдущей депеше…

Из письма барона Данкварта Гленнора королю Конану I Канах, датировано 21 днем Третьей осенней луны 1296 года по основанию Аквилонии.